

Д Е Б Р А

УЭББ

НЕ
ОГЛЯДЫВАЙСЯ

ИНОГДА ПРОШЛОЕ

СТОИТ ОСТАВИТЬ

В ПРОШЛОМ...

Дебра Уэбб
Не оглядывайся
Серия «Дебра Уэбб.
Идеальное преступление»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68709267

Не оглядывайся: Эксмо; М; 2023

ISBN 978-5-04-179146-9

Аннотация

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY.

ИДЕАЛЬНО ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ РОБЕРТА ГЕЛБРЭЙТА.

Иногда прошлое стоит оставить в прошлом...

В небольшой табачной лавке в Бирмингеме находят мертвыми ее владельца и... новоиспеченного заместителя окружного прокурора. Оба убиты выстрелом в затылок – будто их казнили. Но ведь они даже не были знакомы и на первый взгляд никак не связаны между собой. Дело настолько странное, что его передают лучшим детективам местной полиции – Керри Девлин и Люку Фалько.

Вскоре выясняется, что к этому преступлению может быть причастна их бывшая коллега Сэди Кросс. Но Сэди недавно потеряла память... И, похоже, что фрагменты ее воспоминаний

– еще один шифр, который нужно разгадать, чтобы найти подсказки.

В это же время Девлин сообщает, что ее дочь, обучающаяся в Брайтонской академии, столкнула с лестницы другую ученицу. Девочка втайне рассказывает матери о частых провалах в памяти и подозрительной новой однокласснице. И снова эта загадочная амнезия... События переплетаются между собой, как в тщательно выстроенной головоломке.

«Интригующее сочетание полицейского процедурала и триллера». – *Kirkus Reviews*

«Любители напряженных сюжетных поворотов в детективах – держитесь! Вам этот роман придется по нраву». – *Publishers Weekly*

«Имя Дебры Уэбб говорит само за себя». – Карен Роуз, автор бестселлеров *New York Times*

«Небольшое предупреждение: будьте готовы забыть, что такое сон, еда и любые домашние дела. Оторваться от чтения станет невозможно». – *Washington Post*

«Дебра Уэбб снова поражает читателей извилистым и захватывающим повествованием с множеством сложных персонажей. С нетерпением жду новых встреч с детективами Девлин и Фалько!» – *Лорет Энн Уайт*

Содержание

1	8
2	10
3	31
4	52
5	74
6	100
7	115
8	124
9	131
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Дебра Уэбб

Не оглядывайся

© Жукова М.В., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Эта книга – художественное произведение: имена, фамилии, действующие лица, организации, описываемые места, события и происшествия являются плодом авторского воображения и используются как часть художественного произведения. Любое сходство с реальными лицами, как ныне живущими, так и усопшими, и событиями является случайным.

* * *

На протяжении жизни мне встретилось много замечательных людей, но одного из них, готового всегда прийти на помощь, я хочу отметить особо.

Он радовался, когда я добивалась успеха, и поднимал настроение, когда у меня что-то не получалось.

Я не могу представить жизнь без него.

Я люблю тебя, муж!

* * *

Возьми меня за руку – и станешь невидимой

1

Сегодня

Суббота, 17 апреля 7:15

Бирмингем

Задняя дверца машины захлопнулась, и пассажирка оказалась в одиночестве на заднем сиденье. Водитель пристально посмотрел на ее отражение в зеркале заднего вида.

Она отвернулась. Притворилась, что не боится. Но боялась. Она никогда в жизни так не тревожилась.

Она и раньше бывала в этом районе, но только в одном доме. Доме, где плохие вещи держали в секрете... где пустые глаза смотрели со стен и присутствовало какое-то зло.

Ее начало трясти. Она попыталась унять дрожь, но не смогла.

«Больше никто не умрет. Никто. Это не повторится».

Она твердила это себе снова и снова. Сегодня все закончится.

Она больше не будет скрывать правду. Больше никаких секретов.

Ее взгляд переместился на сумку на полу. Она никогда раньше ее не видела. Простая. Черная. Подошла бы для ноутбука.

Она бросила взгляд из окна машины на дом. Возможно, это последний шанс заглянуть внутрь. Совать нос в чужие сумки нехорошо. Ее так учили. Но она должна проверить.

Она наклонилась вперед, дрожащими руками расстегнула молнию, затем пошире раздвинула края.

Солнечный свет, проникающий в окна, отразился от блестящего лезвия большого ножа. Под ним лежал моток скотча и большой скомканный пакет для мусора.

На нее снова нахлынул страх, прокатился волной по венам.

Нет. Нет. Нет. Она покачала головой. «Нет!»

Никто больше не может умереть.

«Я не хочу умирать».

Она думала, что станет смелой, когда ей исполнится четырнадцать, но этого не случилось. Ей нужно бежать... ей не следовало отвечать на тот звонок. Ей следовало остаться дома, а не сбегать из него украдкой.

Ей нужно найти какой-то способ, чтобы связаться с мамой и...

Задняя дверца машины открылась еще раз.

Слишком поздно.

2

Пять дней назад

Понедельник, 12 апреля 10:30

Табачная лавка «У Лео» Оук-Гроув-роад Хоумвуд

Двух жертв привязали к стульям, а затем застрелили, как это делается после вынесения смертного приговора – в затылок. Выходные отверстия отсутствовали, поэтому, вероятно, стреляли из пистолета двадцать второго калибра. Типичный *modus operandi*¹ для таких видов убийств. На место уже вызвали судмедэксперта и выездную группу экспертов-криминалистов.

Детектив Керри Девлин снова сосредоточила все внима-

¹ *Modus operandi* (лат.) – образ действия. Эта фраза означает привычный для человека способ выполнения определенной задачи, например, привычный для конкретного преступника способ совершения преступлений. В данном случае – преступный почерк – *Здесь и далее примеч. пер.*

ние на патрульном, приехавшем по вызову на место преступления. Он описывал случившееся еще до того, как позвонили ей и напарнику Девлин.

– Тара Макгилл прибыла на место в девять тридцать для подготовки к открытию лавки в десять. Она вошла через заднюю дверь. – Полицейский Юджин Франклин указал на дверь в дальней части складского помещения. – По словам Макгилл, все сотрудники пользуются этим выходом – и когда приходят, и когда уходят. Оказавшись внутри, она нашла владельца, Леонарда, или Лео Курца. – Франклин показал блокнотом на убитого пожилого мужчину шестидесяти – шестидесяти пяти лет, который сидел ближе к ним. – И второго убитого мужчину – так, как вы их сейчас видите.

– Второго уже опознали? – спросил Люк Фалько, напарник Керри.

Франклин кивнул.

– И вот тут дело становится очень интересным, – заметил он.

Второй убитый вроде казался знакомым, но Керри никак не могла вспомнить, где его видела. Молодой мужчина, под тридцать, может, слегка за тридцать. Одеты убитые были по-разному. Мужчина старшего возраста – в темно-синие брюки и более светлую, но тоже синюю рубашку на пуговицах сверху донизу, расстегнутую на груди так, что виднелись золотые цепи. Жертва номер два, в отличие от него, была в деловом костюме, причем таком, который не найдешь на обыч-

ной стойке в первом попавшемся универмаге. Честно говоря, по виду этот тип не должен был ходить по табачным лавкам. С другой стороны, никогда не знаешь, кто где может оказаться. В СМИ говорилось столько всего дурного про вейпы, что, возможно, некоторые миллениалы решили обратить взор на натуральный табак и сигары ручной работы. В любом случае за табаком в Бирмингеме с прилегающими районами следовало идти к Лео. На самом деле это была самая старая табачная лавка в штате. Все, кто что-то значил в городе и любил табак, сигары, трубки и/или хорошее спиртное, приходили к Лео. Бизнес процветал благодаря городской элите, по большей части – старой гвардии.

Керри подняла глаза и встретилась взглядом с Франклином.

– В каком смысле интересным?

Полицейский в форме приподнял брови и поднял глаза к потолку.

– Это тот самый новый заместитель окружного прокурора, о котором все у нас говорят. Богатенький с севера. – Он кивнул на мертвого мужчину, о котором шла речь. – Детективы, познакомьтесь с Эшером Уолшем, заместителем окружного прокурора округа Джефферсон.

– Проклятье. – Фалько бросил на Керри красноречивый взгляд: «Вот поэтому-то мы и здесь».

– Да, это очень интересно, черт побери, – согласилась Керри и удивилась, как сама его не узнала. С другой стороны,

Уолш сидел с опущенной головой, а смерть уже заострила и обесцветила черты лица.

Напарник был прав: Уолш и послужил причиной вызова представителей Отдела расследований, занимающегося крупными и резонансными делами. Оно было не просто еще одним подразделением по расследованию убийств. В него входили лучшие детективы, служившие в полиции Бирмингема и соседних районов, включая Хоумвуд, Маунтин-Брук, Веставию и Гувер. Их работа состояла в расследовании дел, попадавших не под одну юрисдикцию, а также резонансных и громких случаев, когда высокопоставленные лица желали, чтобы им уделялось внимание лучших сотрудников, собранных по всему окружающему Бирмингем региону.

Дел, подобных этому.

Керри присела на корточки, чтобы получше рассмотреть лицо жертвы. Подбородок лежал на груди, тело находилось в сидячем положении, руки были связаны за спиной, лодыжки привязаны к ножкам стула. При таком положении тела время смерти определить было нелегко. Судя по трупным пятнам, появившимся на опущенном вниз лице и той части шеи, которую Керри могла рассмотреть, он умер часов десять назад, а то и больше. И Эшер Уолш умер именно там, где находился, – сидя на стуле со спинкой из перекладин в складском помещении заведения с глубокими корнями в местной истории.

Керри лично не встречалась с Уолшем. Она смотрела про-

граммы новостей, в которых рассказывалось о нем, когда он пришел на службу в окружную прокуратуру. Уолш был из богатой семьи, родом из Бостона. Учился в Гарвардском университете. Какой-то период после его окончания он работал клерком в Высшем апелляционном суде штата Массачусетс, а потом не пошел в престижную фирму отца, а согласился занять должность в Бирмингеме, штат Алабама. Судя по тому, что говорили общенациональные и местные СМИ, Бирмингему повезло, и появление Уолша здесь можно было считать большой удачей. К тому же Уолш таким образом послал подальше деспотичного отца.

Прошло всего полгода, и он мертв.

– Во что же вы вляпались, мистер Уолш? – пробормотала под нос Керри, поднялась на ноги и повернулась к Фалько: – Кто-то из нас должен поставить в известность лейтенанта.

Лейтенант Донтрелл Брукс точно не обрадуется, услышав новость. Точно так же, как и прибытие Уолша в Бирмингем, его внезапная кончина обеспечит заголовки на первых полосах общенациональных газет. Появится куча теорий, связанных с причиной смерти заместителя окружного прокурора. Дело обещало быть грязным. Но так обычно и случалось с делами, которые поручали их отделу.

– Я ему позвоню, – предложил Фалько.

– А я допрошу сотрудницу, обнаружившую трупы.

Керри очень радовалась, что ее напарник взял на себя общение с лейтенантом.

– Судмедэксперт уже едет, – сообщил Франклин Керри, когда Фалько направился к двери, ведущей в зал, где обслуживали посетителей.

Керри кивнула.

– А мобильные телефоны нашли?

– Телефон владельца лавки мы нашли за барной стойкой, – пояснил Франклин. – Но если и при Уолше был телефон, то его мы пока не обнаружили.

Он ведь работал заместителем окружного прокурора, и у него должен был быть мобильный телефон. Требовалось только его найти. Конечно, если мобильный не забрал убийца. В таком случае придется делать стандартный запрос оператору сотовой связи и ждать расшифровку телефонных номеров.

– Спасибо, Франклин. Продолжайте искать телефон. Кто-то уже опрашивает людей в соседних домах?

Керри еще раньше попросила патрульного, приехавшего по вызову на место преступления, привезти помощь, в надежде, что им удастся поскорее собрать информацию. Лучше это сделать как можно раньше.

– Да, мэм, – заверил он ее. – Но еще ничего не выяснили. Большинство магазинов в этом квартале закрывается раньше этого, а открылись они всего несколько минут назад. Поэтому на автостоянках не было никаких покупателей, а сотрудники не болтались перед дверьми. По крайней мере, мы пока никого не нашли.

Керри Девлин кивнула ему и снова повернулась к жертвам. Вчера вечером табачная лавка закрылась в десять. Если Керри правильно определила время смерти, то убийства произошли значительно позже ее ухода с работы. Остальные магазины в этом квартале уже закрылись, и у них вполне может не оказаться ни одного свидетеля. Придется надеяться на записи с камер видеонаблюдения, но нет гарантии, что эти камеры тут вообще есть. Старые магазины в таких районах их часто не устанавливают.

– Я готова побеседовать с Макгилл.

Франклин кивнул на дверь, отделявшую складское помещение от зала.

– Она в баре, – пояснил он.

– Обеспечьте снаружи по периметру охрану, раз открылись остальные магазины в округе, и сообщите детективу Фалько о прибытии судмедэксперта, как только он появится.

– Есть, мэм.

Перед уходом Керри задала еще один вопрос:

– Мы знаем расчетное время прибытия выездной группы экспертов-криминалистов?

Обычно они приезжали в одно время или вскоре после Керри и Фалько. Группа экспертов получила вызов с указанием прибыть на место как можно быстрее. Очевидно, случилась какая-то накладка.

– Я связывался с диспетчером, чтобы выяснить причину задержки, и узнал, что на трассе-280 огромная пробка. Наши

сотрудники в ней застряли, но появятся здесь через несколько минут.

– Хорошо, – кивнула Керри.

Она пошла тем же путем, что и Фалько до нее, и увидела сквозь витрину, что он стоит на улице, прижав к уху мобильный телефон. Вероятно, Брукс в эти минуты предупреждал ее напарника о том, с какой деликатностью нужно подходить к делу такого рода. О том, что им нужно быть чрезвычайно осторожными. Никаких утечек. Никакого общения с прессой, пока не будет готово официальное заявление.

Можно подумать, раньше они таких дел не вели. Десять месяцев назад они с Фалько впервые работали вместе, и то дело было связано с высшим эшелоном бирмингемского общества. Боль пронзила сердце Керри. Тот случай забрал жизнь Амелии, ее любимой племянницы... Семья Амелии очень тяжело переживала эту трагедию, а сама Керри получила нового напарника, который ей сначала не понравился. Керри Девлин покачала головой. Но оказалось, что новый напарник – лучшее, что могло с ней произойти, как в профессиональном плане, так и в личном. Он оказался и отличным сослуживцем, и хорошим другом. Ей повезло, что у нее есть Фалько.

Керри бросила взгляд в дальний конец бара, где ждала Тара Макгилл. Тара поставила локти на стойку и опустила лицо на ладони. По спине струились длинные светлые волосы. Макгилл была одета в короткое, плотно облегающее пла-

тье и изящные сандалии с тоненькими ремешками. Керри предположила, что все сотрудники здесь имеют привлекательную внешность и, вероятно, являются особами женского пола. Клиентами этого винтажного, аристократического заведения были не самые юные мужчины, и они явно предпочитали, чтобы их обслуживали женщины.

Керри устроилась на барном табурете рядом с Макгилл. Та подняла голову. По лицу у нее катились слезы, из-за которых растеклись наложенная густым слоем тушь, подводка для глаз и крем для кожи.

– Мисс Макгилл, я – детектив Керри Девлин. Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов по поводу сегодняшнего утра.

– Задавайте, – кивнула она. По щекам скатилось еще несколько темных от туши и подводки слез. – Кто же мог такое сделать?

– Мы надеемся, вы поможете нам найти ответ. – Керри протянула руку за барную стойку и взяла пару салфеток для Макгилл. – Вы давно работаете на мистера Курца?

Макгилл вытерла щеки, потом высморкалась.

– Два года.

– Вы можете сказать, сколько людей работает в табачной лавке?

Макгилл ненадолго задумалась над вопросом.

– Пять или шесть человек на неполный рабочий день и мы двое, если не считать Лео, на полный. – Она глубоко вздох-

нула. – Я просто не понимаю. Все любят Лео.

Очевидно, по крайней мере, один человек не любил. Или он просто оказался не в том месте не в то время. Впрочем, Керри сомневалась в подобном сценарии. Эту казнь спланировали и тщательно исполнили.

– У вас возникали какие-то проблемы с посетителями или поставщиками?

– Никогда. – Макгилл пожала плечами. – То есть хочу сказать, я здесь всего два года, но люди, с которыми я сталкивалась, говорят одно и то же: Лео классный. Есть люди, которые с ним работают с тех самых пор, как хозяин открыл лавку сорок лет назад. И здесь всегда много покупателей. Его убил какой-то ненормальный!

– Вы не знаете ни про какие проблемы с сотрудниками, бывшими или нынешними?

– Нет. Не было никаких проблем.

– А проблемы в семье были? С бывшим партнером или нынешним любимым человеком?

Макгилл покачала головой.

– Лео живет... *жил* один. Его партнер умер где-то лет пять назад, и он не хотел связывать судьбу ни с кем другим. – Она вздохнула. – Он был истинным романтиком. Детей у Лео не было. Он всегда шутил, что заведение и есть его ребенок. – У Макгилл из горла вылетел звук, отдаленно напоминающий смешок. – Лео обычно говорил, что бизнес рос и рос и никогда его не подводил и не разочаровывал.

– Лучшие друзья?

На губах у Макгилл появилась печальная улыбка.

– Мы – те, кто здесь работает, – и есть его друзья. А также покупатели. Больше я ни про кого не знаю.

Это означало, что в личной жизни Лео был одиночкой. Или проявлял особую осторожность и не посвящал в нее никого лишнего.

– Я понимаю, вы уже все рассказали патрульному Франклину, но мне нужно, чтобы вы и мне рассказали обо всем произошедшем после вашего прихода сюда сегодня утром, – продолжала Керри. – Расскажите мне все, что вы помните. Иногда после таких травмирующих событий люди вспоминают больше лишь после того, как немного придут в себя.

Макгилл теребила в руках свернутые в комок салфетки.

– Я поставила машину рядом с машиной Лео – в девять двадцать семь. Я точно знаю, поскольку увидела его автомобиль и удивилась, что Лео уже здесь. Поэтому я посмотрела на время на приборной доске – проверить, не опоздала ли. Я не узнала автомобиль, припаркованный рядом с машиной Лео. Имею в виду серебристую «Ауди». Лео ездит на старом полноприводном «Бронко». Думаю, этот автомобиль – его ровесник... – Она моргнула раз, два, потом с трудом сглотнула. – Был его ровесником.

– Вам потребовалось отпирать дверь, чтобы войти?

Макгилл покачала головой.

– Даже не задумалась об этом – ведь босс уже приехал. Я

вошла. Убрала сумочку в шкафчик. Их там целый ряд у черного хода рядом с вешалкой для одежды. – Она замолчала, явно припоминая, что происходило в следующие минуты, и только потом снова начала говорить. – Вначале я увидела два стула с привязанными к ним сзади руками. – Макгилл скорчила гримасу. – Я подумала: «Что это, черт побери?» Я подошла к ним поближе, обошла, оказалась перед ними – и увидела Лео. Второго мужчину я не знаю. Мне потребовалась минута понять, что они мертвы. Я была в шоке – в общем, в ужасном состоянии. Я думала, это неправда. Нет, никак не может такое произойти. – Она полоснула рукой по воздуху, будто подчеркивая заявление.

– Вы прикасались к кому-то из мужчин? Может, просто удостовериться, не дышат ли они. Вы двигали что-то рядом с тем местом, где они сидели?

– Нет, – уверенно качнула головой Макгилл. – Я просто стояла на одном месте и пыталась оправиться от шока. Я повторяла, что нужно кричать, что-то сделать, но не могла сдвинуться с места. Потом позвонила в службу 911 с мобильного телефона.

– Вы вчера работали, Тара?

Она кивнула.

– Мы вчера закрывали лавку вместе с Лео. Я уехала около половины одиннадцатого.

– В то время тут кто-то находился кроме вас и мистера Курца?

– Только Лаки. Он вчера ушел вместе со мной.

В зал вошел Фалько в сопровождении судмедэксперта, доктора Джефффри Мура, и одного из его помощников, следовавшего прямо за ним. В двух шагах за троицей показались двое экспертов-криминалистов. «Давно пора».

Керри опять повернулась к Макгилл.

– Лаки?

– Лаки Вэндивер. Он учится в колледже и работает здесь неполный день. – Макгилл закатила глаза. – Он из очень богатой семьи, но отец требует, чтобы Лаки потрудился на настоящей работе, пока учится в колледже. Я думаю, его отец дружил с Лео. Лео нанял Лаки убираться по вечерам. Он подметает, моет пол, убирается в туалетных комнатах. Выполняет всю самую мерзкую работу, которой больше никто не хочет заниматься. Лаки говорит, что отец любит его мучить, но, между нами, он просто эгоистичный богатенький мальчик. Не знаю, чего надеется добиться его отец, если заставляет его здесь работать. Я думаю, что отец теряет время.

Нет ничего плохого в попытках приучить ребенка к труду, но Керри понимала, что Лаки может смотреть на ситуацию совсем по-другому и не ценить преподносимый ему урок, в особенности если он испорченный молодой человек.

– Когда ушел Лаки?

– Вместе со мной. Он постоянно уговаривает меня пригласить его к себе пропустить по стаканчику. – Она покачала головой. – Пару раз я допустила такую ошибку. С Лаки

весело, можно классно провести время, если вы понимаете, что я имею в виду, но он балуется порошком, а я дурь не употребляю.

– Порошком? – переспросила Керри. Она знала, что имела в виду женщина, но ей требовалось еще раз услышать это слово от самой Макгилл.

– Кокаином. Он из светского общества, в котором кокаин – обычное дело. Узнай об этом родители, они убили бы его. – Макгилл пожалала плечами. – Да этот Лаки просто идиот! У парня есть все, а он изо всех сил стремится сломать себе жизнь.

– Мистер Курц знал, что Лаки употребляет наркотики?

Глаза у Макгилл округлились, и она яростно замотала головой.

– Нет, что вы. Он бы его уволил. Лео всегда очень резко выступал против наркоты. Табак и алкоголь были единственными дурманами, которые признавал хозяин.

– Вы не помните, во что вчера был одет мистер Курц? Сейчас на нем та же одежда, что и вчера вечером?

У Макгилл перехватило дыхание.

– Я об этом не задумывалась, пока вы не спросили, но да, совершенно точно та же одежда. По воскресеньям он всегда одевается в синее². Лео говорил, что делает это для посетителей. – Она печально улыбнулась. – Он любил философ-

² Синий во множественном числе в английском языке также имеет значение «хандра, меланхолия», а «быть в синем» – быть в плохом настроении, хандрить.

ские рассуждения, что воскресенье – худший день недели, поскольку проводишь его, с ужасом или неохотой думая о понедельник.

Керри сама провела немало воскресений, с ужасом и неохотой думая о понедельниках.

– Вы уверены, что темно-синие брюки и рубашка более светлого синего цвета были надеты на нем вчера?

Макгилл кивнула, а затем внезапно замерла на месте.

– Лео вчера так и не добрался до дома. Наверное, кто-то пришел поздно вечером, уже после того, как я ушла, и устроил все это. Может, вместе со вторым мужчиной. – Женщина прикрыла рот ладонью. – Боже! – воскликнула она сквозь пальцы. – Если бы я уехала позднее, то тоже могла уже быть на том свете. Не исключено, что второй убитый – просто поздний покупатель.

Керри не удосужилась объяснить, кем был второй убитый. «Никаких утечек». Хорошо, что Макгилл не знает, кто он такой. По крайней мере, пока. Довольно скоро лицо второго мужчины будет не сходить с экранов в программах новостей. Керри было неловко задавать следующий, необходимый вопрос. Женщина использовала мобильный телефон для звонка в службу 911, а это означало, что она держала его в руке.

– Еще один вопрос, мисс Макгилл. Он может оказаться немного неприятным, но мне нужен от вас честный ответ.

Женщина посмотрела на Керри широко раскрытыми глазами.

– Вы фотографировали трупы?

На заплаканном лице Макгилл отразился ужас.

– Боже, нет! Кому такое пришло бы в голову? – Макгилл явно содрогнулась. – Да я и представить такое не могу.

– Вы очень удивитесь, если узнаете, сколько людей так делают.

Керри постоянно видела.

Макгилл подтолкнула к Керри телефон, лежавший на барной стойке.

– Смотрите сами.

Поскольку Макгилл сама это предложила, Керри проверила «Звонки», «Сообщения», а потом «Галерею», причем как недавние фотографии, так и стертые. Фотографий жертв не нашлось. На всякий случай Керри вошла еще в три приложения социальных сетей и посмотрела последние посты в каждой. Ничего после девяти вечера вчерашнего дня.

Керри опустила телефон на стойку и подтолкнула его назад к владелице.

– Спасибо.

– Если закончили, мне на самом деле нужно выпить. Правда, – сказала Макгилл.

– Еще парочка вещей. – Керри вырвала чистую страницу из своего блокнота, потом положила страницу и ручку на барную стойку. – Хочу попросить вас составить список сотрудников и указать их номера телефонов, если они у вас есть. Отметьте галочками тех, кто работает здесь дольше

всех или был ближе всего с мистером Курцем.

Макгилл кивнула и взяла ручку.

– Я вернусь через несколько минут, – сказала ей Керри и соскользнула с барного табурета.

Она прошла по залу. Бар был винтажным. Их так оформляли во времена сухого закона сто лет назад, когда в подобных заведениях подпольно торговали спиртным. Много дерева, стекла и кожи. На полках в зеркальном стеллаже за барной стойкой стояли многочисленные бутылки с элитным виски и другим спиртным высокого качества, и все это выглядело стильно. За баром находилась небольшая кухня. Коридор вел к туалетным комнатам. В зале столы для создания уютной обстановки были расставлены группами в разных местах. В витринах выставлялись сигары, трубки, разные виды табака. Атмосфера получалась очень европейской, и этому способствовало все, от деревянных полов до кессонного потолка. В дальнем конце находился камин. Табачную лавку нельзя было назвать типичной. Лавка напоминала место встреч для богатых и известных людей Бирмингема, где они могли наслаждаться любимыми вещами.

Такая табачная лавка не походила на помещение, где ожидаешь двойное убийство, если только на лавку не было совершено разбойное нападение или владелец не занимался какой-то преступной деятельностью. Наркотики, проституция, торговля людьми. Возможны разные варианты.

«Но какое отношение, черт побери, ко всему этому имел

пижон, новый заместитель окружного прокурора?»

Керри направилась в складское помещение. Эксперты-криминалисты уже работали. Фалько и судмедэксперт маячили над телами. Если не считать двух жертв, в задней части здания находились ожидаемые объекты: товары, которыми торговали в лавке, и отдельная комната для хранения сигар, где поддерживалась определенная влажность. Керри впервые видела подобную комнату. У черного хода находилась зона, отведенная для персонала. Шкафчики, упомянутые Макгилл, и длинная вешалка, тянувшаяся от шкафчиков к двери туалетной комнаты для персонала. Узкий ряд заполненных стеллажей отделял зону от остальной части заведения. Круглый столик со стульями, к двум из которых привязали жертв, стоял в углу. Керри предположила, что здесь сотрудники отдыхают.

Мур поднял голову и оторвался от осмотра тела Лео Курца.

– Детектив, что-то мы давно с вами не виделись.

Керри улыбнулась.

– Я брала отпуск, чтобы провести время с дочерью во время ее весенних каникул.

– И звонила мне каждый день, – вставил Фалько.

Мур рассмеялся.

– По-настоящему преданный делу детектив никогда не может полностью отключиться от работы.

Керри не могла это отрицать. У нее никогда не получалось

задвинуть работу на задний план. Она решила перейти к насущным вопросам и спросила:

– Вы можете определить время смерти?

Распахнулась задняя дверь, и появился помощник Мура с каталкой. Фалько определенно пояснил, как важно не привлекать лишнего внимания. Надо надеяться, что помощник поставил труповозку с задней части здания. Чем меньше людей увидят тела, тем лучше.

– Прямо сейчас могу сказать: от десяти вечера до двух ночи. Точнее скажу после вскрытия.

– Да, у нас тоже все приблизительно и ориентировочно, – кивнула Керри. – Сотрудница, обнаружившая тела сегодня утром, вчера вечером работала до десяти тридцати.

Мур кивнул.

– Фалько говорит, что нам нужно побыстрее собрать всю возможную информацию по этим двоим. – Он посмотрел на Уолша. – Как я предполагаю, все дело в нем.

– Да, – подтвердила Керри.

– Шеф, вероятно, вскоре вам позвонит, – предупредил Фалько.

Мур рассмеялся:

– Я в этом не сомневаюсь.

Вдруг в глубоком кармане куртки Керри завибрировал телефон. Для разговора она отошла в зону отдыха персонала.

Керри бросила взгляд на экран и узнала номер. Звонили из школы ее дочери. Детектив мгновенно напряглась, по сиг-

налу мозга в кровь выплеснулась доза адреналина, появилось дурное предчувствие.

– Девлин, – сказала она в трубку вместо «алло».

– Мисс Девлин, это Джослин Фаррингтон.

Секретарь директора школы. Керри задержала дыхание.

– Что-то случилось с Тори?

В сознании проносились жуткие воспоминания о случившемся в прошлом году – убийстве Амелии.

– Нет. – Единственное односложное словно прозвучало со странной неуверенностью. – Она никак не пострадала, мисс Девлин.

Возникла пауза, во время которой сердцебиение Керри только участилось, несмотря на услышанное.

– Однако нам нужно, чтобы вы приехали в школу как можно быстрее. Дело очень срочное.

Керри не стала требовать дополнительной информации и ответила:

– Еду.

У детектива громко стучало сердце, кружилась голова, когда Девлин думала о всех тех ужасных вещах, которые могут случиться в наши дни с ребенком даже в такой претенциозной школе. Керри кивнула Фалько, и он присоединился к ней у двери между складским помещением и залом в передней части заведения, где принимали посетителей.

– Что случилось?

– Звонили из школы Тори. Там что-то произошло. Мне

нужно ехать. Прямо сейчас.

– Поезжай, – сказал он. – Я здесь сам справлюсь.

– Спасибо.

– Позвони мне, – сказал Фалько в спину Керри. – Сообщить, что там произошло.

Керри не стала тратить время на ответ. Ей требовалось бежать...

3

11:50

Брайтонская академия Седьмая авеню Бирмингем

За двадцать минут, которые потребовались Керри, чтобы доехать до школы Тори, она прокрутила в голове дюжину различных вариантов проблем, которые могли возникнуть у дочери. Детектив настроила рацию на полицейскую волну, но ничего не услышала. Она не позволила себе звонить в диспетчерскую городского Управления полиции, ведь тогда Керри пришлось бы объяснять, почему она задает вопросы о вызовах в определенное место.

«Звонили из школы моей дочери. Я думаю, у нее проблемы. Вызовы в Брайтонскую академию поступали? Что-то передавали по радиосвязи?»

Керри выдохнула на последнем повороте с Двадцать четвертой улицы на Седьмую авеню. Легкие мгновенно и резко снова втянули воздух, когда она открыла от изумления рот. На улице перед главным входом в школу стояли маши-

ны Управления полиции Бирмингема, а также пожарные и машины службы спасения.

Керри не помнила, как парковалась... Даже не знала, заперла ли машину и вообще закрыла ли дверцу. У детектива перехватило дыхание, и она уже выскочила на тротуар и неслась к главному входу до того, как мозг догнал действия, производимые телом. У двойных дверей стоял полицейский в форме.

– Школа закрыта, мэ, – предупредил он, когда Керри приблизилась.

Керри приподняла куртку и показала жетон полицейского, прикрепленный к поясу. Полицейский, дежуривший у входа, тут же открыл перед ней одну из дверных створок.

– Проходите, детектив. Прямо.

Внутри Керри побежала по коридору мимо рядов досок информации, где сообщались новости и висели объявления о предстоящих мероприятиях. Яркие лампы над головой отражались на блестящем полу из терраццо³. Доски информации сменялись поразительно хорошими акварелями, вывешенными на чистых белых стенах. В любое другое время детективу хотелось бы остановиться и выяснить, какие намечаются мероприятия, или насладиться рисунками. Но сейчас она не могла позволить тратить время. Керри должна была выяснить, все ли в порядке с Тори.

³ Тераццо – строительный материал: кусочки камня, мрамора и стекла, залитые в единое полотно цементом.

В дальнем конце главного коридора находилась широкая лестница, ведущая на второй этаж. Перед входом стояло еще несколько полицейских в форме. Длинный кусок желтой оградительной ленты, которую используют на местах совершения преступлений, тянулся от одной стены коридора к другой и загораживал подход к лестнице и выход во внутренний двор за ней.

«Что, черт побери, здесь произошло?»

Сердце гулко стучало в груди у Керри, когда она добиралась до двери, ведущей к кабинетам администрации школы. Детектив зашла в приемную, где не оказалось никого, кроме детектива Уэйна Сайкса и директора школы Найла Фостера. Очевидно, они оба ждали ее. Керри переводила взгляд с одного на другого.

– Где Тори?

– Мисс Девлин, нам нужно поговорить у меня в кабинете, – произнес Фостер.

Керри всплеснула руками.

– Просто скажите, что происходит.

– Девлин, одна из одноклассниц твоей дочери серьезно пострадала – свалилась с лестницы, – заговорил Сайкс, едва Фостер успел открыть рот. – Возможно, ты ее знаешь. Брендаль Майерс.

В мозгу что-то щелкнуло, и имя соединилось с образом. Высокая, стройная, симпатичная. Семья Майерс являлась одним из главных попечителей школы.

– Что произошло?

Как мать она хотела знать, все ли в порядке с Тори, но ей уже сообщили, что дочь не пострадала. С другой стороны, Тори как-то участвовала в этом деле, иначе Керри сюда не вызвали бы. И от этого у нее все внутри переворачивалось.

Сайкс мотнул головой на личный кабинет Фостера.

– Давай вначале обо всем спокойно поговорим.

Керри не стала спорить и пошла в кабинет. Она понимала, что не сможет усидеть на стуле, поэтому осталась стоять и ждать, пока Фостер закроет дверь за Сайксом.

– Родители Брендал уже едут. Они находились на совещании в Монтгомери. Слава богу, есть тетя, которая сразу же поехала в больницу к Брендал. – Фостер потер лоб. Его рука заметно подрагивала. – Мы продолжаем разбираться, что именно произошло.

– И вот тут оказывается задействована твоя девочка, – вставил Сайкс.

Теперь Керри почувствовала беспокойство совсем другого рода.

– Тори никогда бы...

– Нет, – Сайкс перебил ее на середине предложения. – Я не утверждаю, что она толкнула Майерс, но Тори и еще две девочки находились на лестничной площадке вместе с Майерс, когда все произошло.

– Толкнула? Что, черт побери, происходит, Сайкс? – Керри почувствовала, как внутри у нее все сжалось.

– Как я и сказал, вокруг Майерс, когда она упала, стояли трое, – повторил детектив. – Тори была одной из них.

Беспокойство исчезло, его сменил гнев.

– Где она?

– С Тори сейчас разговаривает Петерсон. Мы считаем, именно она, скорее всего, нам все толком объяснит, раз ты служишь в полиции, ну и вообще...

Керри прекрасно поняла, что он имел в виду. Детектив была очень сердита и теперь обратила внимание на Фостера. Ее материнский инстинкт, желание защищать своего ребенка пересилили десять лет работы полицейским, прошедшим суровую школу.

– И вы это допустили?

Фостер перевел взгляд с Керри на Сайкса.

– Детектив, вы уверяли меня, что с мамой Тори проблем не возникнет и можно сразу начинать допрос. – Он снова посмотрел на Керри. – Простите. У меня нет слов.

Керри прикусила язык, поскольку не могла выругаться. Все уже сделано.

– Отведите меня к ней. *Прямо сейчас.*

Сайкс медленно выдохнул.

– Сюда.

В кабинете зазвонил телефон, поэтому Фостер задержался для ответа на звонок. Керри вышла за другим детективом в главный коридор. Здесь она уже больше не могла сдерживаться и выпалила:

– О чем ты, черт побери, думал, Сайкс?

Он остановился, повернулся на сто восемьдесят градусов и гневно посмотрел на нее.

– Послушай, у нас девочка, которая получила очень тяжелые травмы. Ее жизнь висит на волоске. У нас есть еще три девочки, которые знают, что случилось, и ни одна из них не желает ничего говорить. Ты уж точно должна понимать, что нужно срочно разобраться в случившемся. А что, если бы твоего ребенка увезли в больницу на «скорой»?

Керри заставила себя мысленно сделать шаг назад. С одной стороны, он был прав. Во всех случаях, если несовершеннолетний как-то участвовал в деле, приходится ждать приезда кого-то из родителей, а это часто мешает расследованию. Это дает время ребенку испугаться еще больше, или запутаться, или, возможно, даже придумать что-то. Родители хотят защищать своих детей, даже если ребенок совершил преступление. Кроме того, ни один ребенок не хочет признаваться в присутствии родителя в нехороших поступках.

Но Тори была хорошей девочкой. Отлично училась. Она не станет врать или создавать проблемы. Никогда.

– Не вешай мне лапшу на уши, Сайкс. – Детектив не собиралась так просто спускать его с крючка. – Она ребенок. Ею легко манипулировать. Именно по этой причине существуют правила и установленные процедуры. Ты знаешь не хуже меня, что все, сказанное ею до появления меня в кабинете, не принимается в качестве доказательств.

– Да, да. Пошли.

Он снова тронулся с места. Сайкс остановился через две двери у кабинета на противоположной стороне коридора.

Кабинета школьного психолога.

Керри очень хорошо знала школьного психолога Энн Лири. Если она находится рядом с Тори, беспокоиться не о чем. Лири никогда не позволит ни манипулировать ребенком, ни травить, ни шантажировать его. Керри смогла вздохнуть по-свободнее.

В маленькой приемной не оказалось секретаря, поэтому Сайкс направился прямо к двери кабинета психолога, постучался и открыл дверь.

Керри остановила взгляд на Тори, сидевшей в одном из двух кресел перед письменным столом Лири. Она сразу же увидела покрасневшие, припухшие глаза и щеки со следами слез. Керри ощутила новый прилив ярости. За столом сидела психолог, а Петерсон стоял рядом с ее стулом. Он не стал садиться и предпочел открыто демонстрировать власть и полномочия. Петерсон стоял с той стороны стола, где сидела психолог. Двое против одной. Он посмотрел на Керри, потом на напарника. То есть Петерсон попытался определить, какого количества проблем ожидать от Керри.

– Она пока не грозила тебя пристрелить, – попытался пошутить и хоть как-то разрядить обстановку Сайкс.

Петерсон снова перевел взгляд на Керри.

– Ты сделала бы то же самое, будь это мой ребенок.

– Убирайся вон, – отрезала Керри человеку, который понимал, что лучше не притворяться, будто он не вышел за рамки приличий. – Нам с дочерью нужно поговорить.

– Мы пообщаемся попозже, – обратилась Лири к Керри, вставая. – Дайте мне знать, если я вам потребуюсь или вы захотите обсудить последние двадцать минут.

«Двадцать минут». Петерсон долбил Тори двадцать минут, черт побери.

Керри кивнула психологу, подождала, пока трое взрослых выйдут из кабинета, и только потом позволила себе по-настоящему оглядеть Тори.

Ее четырнадцатилетняя дочь в мягком крутящемся кресле казалась непривычно маленькой. Тори скрестила тонкие ручки на еще почти плоской груди, и по лицу девочки было видно, как она на самом деле напугана. Не успела Керри сказать и слово, как Тори выскочила из кресла, бросилась матери в объятия и разрыдалась.

Керри долго держала ее в объятиях и шептала успокаивающие слова. У детектива по щекам тоже текли слезы. Тори в любом случае не виновата. Она никогда не станет никому преднамеренно приносить боль. Керри понимала, что так считают большинство родителей, когда речь заходит об их отпрысках, но она не просто считала, она *знала*. Тори, как и все остальные члены семьи, все еще переживали убийство кузины. Этот ребенок просто не мог нанести увечья кому-либо.

Когда плечи Тори прекратили дрожать, а громкие рыдания стихли, Керри подтолкнула дочь назад к креслу, а сама устроилась рядом.

– Расскажи мне, что случилось.

Тори уставилась в пол.

– Я... я не уверена.

У Керри сжалось сердце. Тори не могла встретиться взглядом с матерью, и это показывало: все не совсем так просто.

– Не торопись, – мягко сказала детектив. – Кто там был кроме тебя и Брендаль?

При упоминании имени Брендаль худое тело Тори дернулось.

– С ней все будет в порядке?

Керри ответила честно:

– Я не знаю. Сайкс сообщил об очень тяжелых травмах. Жизнь Брендаль висит на волоске. Нужно подождать, послушать, что скажут врачи.

Тори вытерла глаза и только потом встретила взглядом с матерью.

– Сара, Элис и я спускались вниз по лестнице, шли на следующий урок и столкнулись с Брендаль на лестничной площадке. Она шла наверх на естествознание.

Историческое здание отличалось высокими потолками, поэтому лестница между первым и вторым этажами была в два раза длиннее обычной. В середине имелась лестничная площадка с окнами, выходившими во внутренний двор.

– И что тогда случилось? – терпеливо спросила Керри. Ей нужно уговорить Тори все рассказать.

– Да обычное поведение Брендала. – Тори прикусила дрожащую нижнюю губу. – Она же над всеми насмехается. Брендаль обожает травить других. – Тори пожала плечами. – Я хотела сказать, что не желала ей никаких травм, никогда, но Брендаль гнусно ведет себя со всеми, кого считает ниже себя, то есть с большинством девочек из нашего класса. Она всегда была такая, а теперь стала еще хуже.

Керри и Тори много раз подолгу говорили про задира, тех, кто травит и издевается над другими. Если в какой-то школе происходил подобный инцидент, они обязательно его обсуждали. Столько всего нужно сделать, чтобы пресечь подобное, но Керри не собиралась притворяться, будто знает ответ. Это серьезная проблема, а простого или быстрого решения нет.

– Брендаль травила тебя? – Керри на секунду задержала дыхание. Пусть Тори ничего подобного не упоминала, но она вполне могла просто не хотеть делиться этим с матерью. У дочери ведь переходный возраст. Подростки далеко не всегда делятся всем с родителями в этот часто сложный период их жизни.

– Брендаль относилась ко мне, как и ко всем остальным. Лично меня не выделяла. – Тори медленно выдохнула воздух. – В последнее время она больше всех задирала Сару.

Это стало новостью для Керри. Сара Тэлли была лучшей подругой Тори с детского сада. Робкая и тихая девочка. Ни-

когда не попадала ни в какие неприятные ситуации. Всегда отлично училась, как и Тори. Керри удивилась, что мама Сары не попыталась вмешаться.

Впрочем, Сара ведь могла и не сказать ничего матери.

Прежде чем задать самый болезненный вопрос, Керри решила прощупать менее опасную территорию.

– Элис – новая девочка, которая пришла в Брайтонскую академию в этом семестре? Это ты у нее ночевала пару раз?

Тори кивнула.

– Элис Кортес. Помнишь, она переехала из Мексики в прошлом году? Думаю, в августе. У нее умерли родители, и ее к себе взял дядя. До нашей школы она ходила в другую, но что-то там не сложилось.

Керри вспомнила, как Тори пришла домой расстроенная и рассказала грустную историю о первом дне занятий после каникул. Она решила подружиться с новой девочкой, но другие не торопились это делать.

– Брендал и Элис задирали?

Тори покачала головой.

– Элис ее просто игнорировала. Больше всего она издевалась над Сарой, в особенности в последнее время. – Тори отвела взгляд и уставилась на руки. – Все, что я знаю.

Керри поняла, что последние слова дочери не соответствуют истине. Тори не умела врать. Или, может, навыки Керри по выявлению лжи были особенно хорошо отточены. В любом случае Тори недоговаривала.

– Я понимаю, тебе трудно, – заверила Керри дочь. – Мне также знакомы ощущения, когда хочется защитить человека, который тебе небезразличен, но иногда этого делать нельзя. Защищать – не покрывать. Это разные вещи. Кого из девочек ты пытаешься защитить?

Тори сжала руки у себя на коленях. Когда дочь наконец подняла глаза и встретилась взглядом с Керри, по щекам у нее снова текли слезы маленькими солеными речками.

– Клянусь: я не знаю, толкал ее кто-то или нет. Я знаю, что я не толкала, но я была полностью сосредоточена на том, как Брендал выплескивала гнев, поэтому я не уверена, кто и что делал. Все произошло очень быстро.

Керри медленно кивнула.

– Хорошо. *Если* ты не видела, что случилось, я могу понять, почему ты не хочешь высказывать догадки.

Тори снова посмотрела на нее.

– Клянусь: я не уверена. – Тори обвела взглядом кабинет и вновь встретилась взглядом с Керри. – Я не хочу, чтобы у кого-то возникли неприятности. Я ведь не уверена.

Керри сжала руку дочери.

– Если не уверена, тебе не следует говорить ни одно ни другое, – осторожно произнесла она. – Что ты сказала детективу Петерсону и миссис Лири?

– То же самое, что и тебе. Я не знаю, кто ее толкнул и вообще толкал ли. Я смотрела на Брендал, пока та изгалялась, а потом внезапно она полетела вниз спиной вперед. Брендал

стояла спиной к лестнице – к идущим вниз ступеням. Может, она оступилась или как-то не так наклонилась, потеряла равновесие. Вдруг ничьей вины тут и не было.

Керри кивнула, по большей части ради дочери.

– Возможно. А в коридорах больше никого не было? Учителя или ученика, который мог что-то видеть?

Тори покачала головой.

– Уже был звонок.

Не тот ответ, на который надеялась Керри. Она пыталась придумать, кто еще мог видеть происходившее. Вахтер? Библиотекарь? Еще один опаздывающий на урок школьник? Но почему они не дали показаний?

«Потому что больше никого не было». Керри почувствовала, как ей на плечи начал давить еще один груз.

– Что теперь будет?

Страх в глазах Тори так ударил по Керри, что она чуть не сломалась. Эмоции били через край.

– Посиди здесь немного, пока я побеседую с другими детективами. – Керри встала и повернулась к двери.

– Мне просто хочется вернуться домой, – прошептала Тори и плотно зажмурилась, но новый поток слез все равно хлынул.

– Я отвезу тебя домой, как только смогу, – пообещала Керри.

Она вышла из кабинета Лири и закрыла за собой дверь. Сайкс, Петерсон и Лири собрались в маленькой приемной.

Они, несомненно, прислушивались к происходившему за стеной.

– Она тебе что-нибудь сказала? – сразу же захотел узнать Сайкс.

Керри покачала головой.

– Тори не видела, что послужило причиной падения. Она смотрела прямо на Брендал, и та внезапно вдруг стала заваливаться назад.

Петерсон кивнул.

– Она придерживалась этой версии с самого начала.

Керри хотелось оторвать ему голову и плюнуть в горло.

– А тебе не приходило в голову, что она придерживается этой версии, поскольку это и есть правда?

Сайкс поднял руку ладонью к Петерсону, пока тот еще не успел выплеснуть то, из-за чего его лицо приобретало неприятный красновато-пурпурный оттенок.

– Проблема в том, Девлин, что это говорят все трое, – произнес Петерсон усталым голосом. – Можно ожидать неуверенности у одной девочки, но не у всех троих.

У Керри опять все сжалось внутри.

– Сару и Элис уже тоже допросили?

Сайкс кивнул.

– Миссис Тэлли находилась на собрании родительского комитета в кафе. Опекун Кортес приехал сразу же после нашего звонка. Нам до тебя было трудно дозвониться.

– Странно, – парировала Керри. – У меня нет никаких

пропущенных вызовов от вас двоих.

Сайкс и Петерсон переглянулись, потом оба пожали плечами.

Неважно. Керри точно знала, что произошло. Или, если точнее, что не произошло.

– Значит, только Тори допрашивали без присутствия родителя или законного представителя?

Сайкс и Петерсон опять переглянулись.

– Мне очень жаль, – заметила Лири. – Детектив Сайкс...

Керри подняла руку и посмотрела на другую женщину.

– Я прекрасно понимаю, что случилось. – Мать Тори повернулась к Сайксу. – Заявление моей дочери вы получили. Я забираю ее домой.

Сайкс с Петерсоном начали спорить. Керри не стала обращать на них внимание. Еще до того как уйти, ей в голову пришла одна мысль, и детектив снова повернулась к Лири.

– Это одна из лучших частных школ в штате. Обучение моей дочери обходится в кругленькую сумму. Разве в коридорах нет камер видеонаблюдения?

На Керри накатила новая волна негодования. Подобное не должно было случиться, но раз уж произошло, где были все учителя? Неужели никто не видел четырех девочек, явно опаздывающих на следующий урок? А ведь одна из них орала на трех других. Камеры видеонаблюдения в школе имелись. Детектив это знала, но осознание такого факта только сейчас прорвалось сквозь все эмоции, затуманившие ее

МОЗГ.

Похоже, Лири требовалось собраться с силами для ответа на вопрос Керри.

– Камеры есть. Да.

– Мы уже посмотрели записи, – пояснил Сайкс. – Камера видеонаблюдения на первом этаже расположена так, что охват заканчивается на этой первой площадке. Мы видим только ступни девочек. Мы не можем определить, кто что делал. Охват камеры на втором этаже тоже доходит до этой площадки, но с другой стороны. Пользы от записей никакой.

Керри почувствовала охватившее ее разочарование.

– Мы уезжаем. Когда снова захотите поговорить с моей дочерью, вначале спросите меня.

Керри не стала обращать внимание на жалобы детективов и отправилась в кабинет, где уже ждала Тори.

– Поехали.

Тори схватила с пола рюкзак и последовала за матерью.

В коридоре мистер Фостер тихо о чем-то беседовал с матерью Сары Тэлли. Сара ухватилась за мать, словно пришедший в ужас ребенок, только научившийся ходить. Если Рене Тэлли и заметила, как появились Керри и Тори, она это никак не показала.

Керри понятия не имела, где находилась третья девочка, Элис Кортес. Может, в кабинете второго психолога. В этой школе постоянно дежурили двое.

Тори уставилась на Сару, но та даже ни разу не посмотрела

в ее сторону.

– Пошли. – Керри взяла дочь под руку. – Мы разберемся с этим делом.

На улице двое полицейских в форме сдерживали натиск репортеров, появившихся на месте трагедии, как стая стервятников, отчаянно желавших ухватить кусочки. Керри подтолкнула Тори к месту пассажира в машине и очень надеялась, что журналисты не успели сфотографировать ее. Детектив не хотела, чтобы Тори была лицом этой трагедии.

Когда они доехали до улицы, Керри, не притормаживая, повернула направо. Журналисты уже бросились и в том направлении, но женщина успела умчаться. В итоге они не добрались до ее машины. Керри неоднократно встречалась с большинством собравшихся журналистов по работе и, к сожалению, была единственным детективом, ездившим на винтажном джипе «Вагонер». находчивому репортеру не потребуется много времени определить, кто уехал на этом автомобиле. И еще быстрее он выяснит, что у Керри есть дочь – учащаяся этой школы.

Она выругалась про себя – Керри разозлилась, что держится за эту чертову машину.

– Что мы теперь будем делать?

Голос Тори звучал так жалобно, что Керри захотелось ее обнять и качать, как она делала, когда дочь была совсем маленькой.

– Мы едем домой. Сайкс и Петерсон со всем разберутся.

Они хорошие детективы.

Детектив сказала это, несмотря на то что была сейчас на них очень зла.

Тори смотрела в окно. Керри хотелось успокоить дочь, заверить, что вскоре происходящее закончится и все опять будет хорошо. Однако она не станет врать дочери. Расследование займет какое-то время, и процесс будет болезненным. Если Майерс умрет, то дело станет значительно хуже.

Пусть Майерс и была задирой и травила других, но все равно Керри молилась, чтобы девочка выкарабкалась. Независимо от ее поведения Майерс не заслуживала смерти в качестве наказания. Ни один родитель не должен страдать из-за такой утраты. Керри видела, что подобная боль сделала с ее сестрой и зятем. Она никому не желала таких переживаний.

У нее завибрировал мобильный телефон, и Керри подумала, не проигнорировать ли звонок. А если это Фалько? Она стала рыться в кармане, достала телефон и посмотрела на экран. Аппарат продолжал настойчиво вибрировать. На экране мелькало лицо Фалько.

– Отъезжаю от школы, – произнесла она вместо «алло».

– С нашей девочкой все в порядке?

У Фалько и Тори сложились прекрасные отношения. И это Керри тоже ценила в напарнике. Отец Тори, Ник Джекмен, переехал в Нью-Йорк и завел там новую семью. Его второй женой стала женщина, с которой он изменил Керри. То-

ри отчаянно требовалось заполнить пустоту после отъезда отца. Фалько ее заполнил, взял на себя роль мужчины в семье. Керри не могла и мечтать о лучшей замене отцу ее дочери. В особенности, раз у Керри не было ни времени, ни желания заводить какие-то новые отношения. Ей хватало семьи и работы.

Детектив не стала бы этого делать в любом случае. Позволять себе снова так глубоко доверять кому-то? В обозримом будущем маловероятно.

– С ней все в порядке. Мы позднее об этом поговорим.

– Понял. – Фалько откашлялся. – Я знаю, на тебя и так много всего навалилось, но у нас есть продвижение.

Керри потребовалось мгновение на перестройку мыслей. Она редко позволяла себе полностью отключиться от расследуемого дела, как в этот раз.

– Вы нашли свидетеля?

– Нет, но я наткнулся на мобильный телефон Уолша. Он был засунут в его носок, словно запасной пистолет.

«Умный парень». Хотя иногда ума не хватает, чтобы остаться в живых.

– И?

– Последний звонок Уолш сделал на номер, который я узнал.

Керри притормозила перед перекрестком и ждала, когда ее напарник сообщит остальное.

– Кросс, – объявил Фалько. – Наш убитый заместитель

окружного прокурора разговаривал с Кросс вчера в десять вечера.

«Сэди Кросс». Вот уж неожиданный поворот событий. Кросс в прошлом была детективом в Управлении полиции Бирмингема. Она служила в полиции добрую дюжину лет, затем ушла. Все говорили, что Кросс стала сама не своя после последней операции по внедрению в преступную группу. Она исчезла почти на год и вернулась со стертой памятью. Эта женщина совсем не помнила, что с ней происходило в течение того года, и очень мало, что происходило на протяжении четырех месяцев до исчезновения, пока она работала под легендой здесь. Кросс была странной. У Керри она вызвала настороженность и озадачивала.

Но у Керри был перед Кросс должок.

Какое бы отношение Кросс ни имела к этому двойному убийству, у Керри не было выбора – она не могла себе позволить обвинять женщину сразу и торопиться с выводами. Совершенно точно Керри не имела права первой бросать камень.

– Ты уже с ней разговаривал?

– Нам следует сделать это лично. Я могу поехать и без тебя, если так будет лучше в сложившейся ситуации.

– Нет. Ты прав. Мы должны вместе с ней поговорить. Я за тобой заеду.

Диана, сестра Керри, всегда была рада провести время с Тори.

– Я на некоторое время завезу Тори к Диане.

Тори посмотрела на нее. Дочь не произнесла ни слова, но вопрос был написан у нее на лице: «Ты собираешься бросить дочь, получившую такую встряску, лишь бы расследовать дело?»

Какая мать так поступает?

12:30

**Лофт Сэди Шестая авеню,
Двадцать седьмая улица Бирмингем**

Сэди смотрела на экран телевизора. Шла программа новостей. В табачной лавке «У Лео» произошло двойное убийство. Имена жертв пока не сообщались. Сэди и сама знала, что там случилось.

Уолш мертв.

Сегодня утром он хотел обсудить с Сэди, что ему удастся узнать на встрече с Курцем, но не позвонил. Ей не требовалось звонить ему. Уолш был мертв. Сэди Кросс это знала. Он мог не позвонить и не явиться к ней сегодня утром только в случае смерти.

– Сукин сын!

Она нажала на пульт, и экран телевизора снова стал черным.

Сэди же ему говорила. Проклятье. Она неоднократно ему объясняла. Его план был не самой лучшей мыслью. Не для

него. Уолш не знал, как нырять в такой глубокой воде и при этом не стать приманкой для акул. У него не было опыта. Только много амбиций и бесстрашие.

«Идиот».

Сэди закрыла глаза и попыталась забыть его лицо. Он был слишком молод для смерти. Еще и тридцати не исполнилось! Но как он нацелился стать великим героем...

– Я сама прекрасный пример того, к чему приводит это дерьмо, – пробормотала она себе под нос.

А теперь полиция не оставит Сэди в покое. Сотрудники будут ползать у нее по заднице. Сэди Кросс была, как и всегда, чрезвычайно осторожна. Никаких звонков, только если на запасные телефоны, иногда «одноразовые». Никаких писем по электронной почте, никаких СМС-сообщений. Они встречались тайно, всегда только вдвоем. Никто не мог знать, что они разговаривали, но после поступка Уолша их знакомство скрыть не получится.

Вчера вечером он позвонил ей с личного мобильного. Сэди сразу же высказала ему, что об этом думает, но Уолш пребывал в слишком большом возбуждении, и его это не волновало. Уолш сообщил, что подошел совсем близко. Курц согласился поговорить с другими владельцами маленьких, независимых магазинов и лавок, с теми, кого, как он подозревал, беспокоили те же проблемы. А что еще важнее, Курц нашел потенциальный источник дряни, и они собирались прямо спросить его о ряде вещей.

А теперь Уолш мертв.

Детективы, ведущие расследование, обнаружат звонок. Независимо от того, стер ли он его из «Звонков», а ее номер из «Контактов», они все равно выяснят, что Уолш ей звонил.

Ошибка номера не пройдет. В таком случае не говорят около трех минут, как разговаривали они.

«Проклятье!»

Сэди схватила со стола сигареты и немного помяла одну из них. Она вставила сигарету в уголок рта и щелкнула зажигалкой. Сэди с наслаждением глубоко втянула дым и позволила ему наполнить ее легкие – такие комфортные ощущения может дать только никотин. Ее не волновал рак легких. Сэди не ждала долгая и богатая жизнь. Было чудом, что она вообще еще не умерла.

Многие пытались отправить Сэди Кросс на тот свет. Ей было плевать. Ее это не волновало. Еще один прожитый день означал, что Сэди требуется искать способы отвлечься от разрозненных кусочков прошлого, которые преследовали и мучили ее. Сэди Кросс не собиралась кончать с собой. Она ничего с собой делать не собиралась. Ей просто было плевать. С ней покончено.

«Покончено. Покончено. Покончено».

В мысли Сэди проскользнул отец, и она от него отмахнулась. Он уже давно отрекся от всего, что касалось ее. Сколько они не разговаривали? Год? Вероятно, отец будет счастлив, когда она перестанет мешаться под ногами. Тогда ему

больше не потребуется разочаровываться в дочери. Она не сможет еще больше испортить его жизнь, если помрет. Сэди Кросс не будет смущать отца и ставить в неловкое положение. Совершенно точно: его жизнь станет проще.

«Вы женаты? Нет, нет, я вдовец. Дети есть? Нет, детей нет. Моя единственная дочь умерла».

Как это будет для него хорошо. Не придется объяснять, кто его дочь. Где она живет. Чем дочь занималась после увольнения из Управления полиции Бирмингема. Единственный вопрос, который может возникнуть – как Сэди умерла. Он вполне может как-то скрыть правду. С отца станется. Рак, как у ее несчастной матери? Ее сбила машина, водитель скрылся? Разбойное нападение, во время которого ее убили?

Но Сэди не умерла.

По правде говоря, Сэди Кросс на самом деле не понимала почему. Ей следовало умереть в день, когда она исчезла сколько-то там лет назад, или в один из многочисленных других дней, когда что-то случалось, до или после. В тело Сэди неоднократно прилетали пули. Она попадала в автокатастрофы, в основном когда преследовала плохих парней. Каким-то образом Сэди выжила во всех передрыгах.

– Твоя удача не будет вечной, – пробормотала она себе под нос и снова втянула дым в легкие. Положительным моментом будет то, что ей не придется беспокоиться из-за всего *этого*.

Сэди Кросс никогда не рассматривала вариант суицида. Ее много как можно было назвать и охарактеризовать, но Сэди никогда не сдавалась. А по ее мнению, совершить самоубийство означало сдаться. Выбрать легкий путь. Оставить весь остальной мир подчищать за тобой дерьмо.

Нет. Она не сдается. Сэди просто посылает весь мир по-дальше, и, может, когда-нибудь кто-нибудь сделает это за нее.

Проще простого.

Она пересекла комнату и раздвинула шторы на окне, выходящем на Шестую авеню. Пока никого из полиции. Ее телефон, как ни странно, не звонил. Детективы должны были уже позвонить по ее номеру и выяснить, кто она такая. Если только они не нашли телефон Уолша... Или он стер всю историю звонков.

Если одно из двух, то у нее есть в запасе какое-то время.

Сэди разжала пальцы, и штора вернулась на место, по воздуху полетела пыль, копившаяся годами. Она повернулась к окну спиной, боком присела на подоконник и огляделась в комнате. На самом деле все не так плохо. У Сэди Кросс есть это место. Да, совсем небольшая квартирка, но ее собственная. Гораздо больше, чем дал бы ей отец, черт его побери. По сути, он ведь отрекся от дочери.

Поли Уинтерс, в прошлом полицейский и самый лучший частный детектив в штате Алабама до самой смерти, оставил это здание и бизнес ей в наследство. Он умер прошлой вес-

ной. Уинтерс был ее лучшим другом, а также больше всех подходил на роль родителя после смерти мамы. Он был настоящим отцом. А ее биологический отец очень изменился после смерти жены. Оттолкнул от себя Сэди, стал жестким и холодным. Она не могла ему угодить даже после того, как поступила на службу в Управление полиции Бирмингема. Сэди попросилась в группу, занимавшуюся наркотиками, чтобы произвести впечатление на уважаемого старшего спецагента Управления по борьбе с наркотиками Мейсона Кросса. Она хотела стать героиней подпольной работы, добиться в этом больших успехов, как когда-то он сам.

Это не произвело на него впечатления.

От мыслей об отце и прошлом у нее скрутило живот. Сэди отошла от окна и направилась к раковине. Ей нужно выпить кофе. Для виски слишком рано. Какое-то время она позволяла себе бесконтрольно пить. Больше она этого себе не разрешит. Папаша ведь ждет за кулисами, чтобы отправить ее в реабилитационный центр в третий, нет, четвертый раз.

– Ублюдок.

Она залила воду в кофемашину, добавила несколько ложек молотых зерен, нажала на нужную кнопку и запустила устройство.

Единственное, что было еще хуже, чем мучившие ее воспоминания о выпавших из жизни месяцах, – реабилитационный центр. Сэди Кросс провела более чем достаточно времени в больницах и реабилитационных центрах. Хватило бы

на дюжину жизней.

Она подошла к письменному столу и перебрала лежавшие там папки. Последнее дело закрыто. Пока ничего нового не предложили. Маленькое частное детективное агентство вот так и существовало. Или пируем, или голодаем. Поли объяснил ей, что нестабильность работы частного детектива и стала главной причиной покупки этого здания. Бар внизу был единственным заведением такого рода в округе. Чисто ирландский, очень винтажный. Поли много лет назад сдал его одному ирландцу. Платы за аренду хватало на жизнь, если больше не появлялось никакой работы.

В последнее время Сэди оценила предусмотрительность старого друга. Прошел едва ли месяц после смерти Поли – и она завершила рухнувшую карьеру в Управлении полиции Бирмингема и взяла на себя руководство частным детективным агентством. Ведь в конце-то концов Поли оставил ей агентство. Почему бы и нет? Сэди может быть сама себе начальницей. Делать все, как сама считает нужным.

Получилось забавно. Отец, на которого она никак не могла произвести впечатление достижениями во время службы в правоохранительных органах, внезапно страшно расстроился, когда дочь решила закончить с карьерой.

Сэди потрясла головой, чтобы отогнать воспоминания. Она налила себе чашку кофе и направилась к стене рядом с дверью, отделявшей ее от узкого переулка. Окна на этой стене отсутствовали. Сэди Кросс использовала ее как огромную

доску информации при расследовании дел. В этой части, у самой двери, было ее *личное* дело, расследование которого продолжалось уже больше четырех лет. То, которое не давало ей нормально спать и грызло ее каждый час бодрствования.

«Что, ради всего святого, произошло с Сэди Кросс?»

Поиск ответа на этот вопрос был единственной, пусть и не очень веской, истинной причиной ее слабого желания продолжать дышать. Чуть меньше пяти лет назад Сэди согласилась принять участие в операции, которая окажется ее последним заданием в Управлении полиции Бирмингема. Глубокое оперативное внедрение в преступную группу. Необычайно опасное. Через четыре месяца подпольной работы она исчезла. Почти через год после исчезновения Сэди появилась вновь, словно космический корабль с пришельцами сбросил ее назад на планету. За эти выпавшие из жизни месяцы кто-то будто украл человека, которым она когда-то была. Они забрали у Сэди Кросс больше, чем кто-либо знал. Вернулась только пустая оболочка. Ее блестящая карьера в правоохранительных органах внезапно превратилась в работу клерка, копающегося в пыльных старых папках с делами.

Теперь она здесь. Заполняет пустоту выпивкой и тем, что Сэди оставил Поли, пока она не сможет выяснить правду.

Она не могла сказать, почему это на самом деле столько для нее значило, но почему-то значило. Сэди уставилась на «линию времени», которую сама и создала. На стене висели

дюжины листочков для заметок с клейким краем. Красных, желтых, пурпурных. Даже несколько розовых. Парочка светло-зеленых. Все – кусочки ее разбитых воспоминаний. Разлетевшиеся фрагменты. Ничто, ни помощь психотерапевта, ни регрессионная терапия не смогло вытянуть ничего, кроме каких-то обрывков воспоминаний. В прошлое Рождество она задумалась, не обратиться ли опять к тому врачу, который работал методом регрессионной терапии три года назад, не попробовать ли снова. Оказалось, что он умер. Автокатастрофа. Этот врач был единственным из всех психотерапевтов, который нравился Сэди... которому она хоть немного доверяла. Она подумала, не запросить ли карточку пациента и аудиозаписи сеансов после его смерти, но так и не удосужилась это сделать.

Сэди Кросс отпустила ситуацию. Ничего не поможет. Психотерапевты дошли до определенной точки, а сознание блокировало любое продвижение за нее. Это была кирпичная стена у Сэди в голове, и, похоже, никто и ничто не могло ее пробить. Может, истина заключалась в том, что она сама не хотела знать о находящемся за той кирпичной стеной. И ведь она не могла изменить ничего из случившегося за те выпавшие из жизни месяцы.

У Сэди в сознании слышались звуки, шептали образы, и это заставляло ее вздрагивать.

Она выжила. Но вставал один-единственный вопрос: почему?

Еще одна тайна из жизни Сэди Кросс.

Она устала на разноцветные листочки для заметок, некоторые уже побледнели, потеряли изначальный цвет от старости. А то, что случилось в эти выпавшие из жизни месяцы, на самом деле играет роль? Сэди больше не служит в полиции. Эти события не помогут построить мост над широкой, как каньон, пропастью между нею и ее отцом. Совершенно точно не помогут довести до конца проваленную операцию. Тем не менее часть Сэди хотела, чтобы эти недели и месяцы вернулись. Это ее жизнь, и в любом случае она хотела это знать и понять. Вписать в книгу жизни, как и остальные ее дни. Если Сэди собирается продолжать дышать, то нужно знать всю историю.

Доктор Оливер Холден, психотерапевт, использовавший метод регрессионной терапии, сказал Кросс, что воспоминания за той кирпичной стеной или исчезли навсегда, или так и останутся спрятанными за ней. По всей вероятности, попытки вытащить их оттуда – занятие бессмысленное. Если их не восстановила регрессионная терапия, они не вернуться. Травма может быть слишком тяжелой, такой, с которой ей не справиться. Человеческое сознание обладает способностью блокировать подобные воспоминания и умеет делать это очень хорошо.

Отрицание – невероятно сильный когнитивный процесс. Прозвучал тихий сигнал тревоги, означавший, что кто-то приблизился к пожарной лестнице. Сэди направилась к

ноутбуку и проверила показания камеры видеонаблюдения. Лестницу, ведущую на первый этаж, в бар, давно закрыли для оборудования жилого пространства на втором этаже. В этот лофт в верхней части здания – ее пыльный, плохо организованный дом – можно было попасть по пожарной лестнице из узкого переулка. Поскольку такой доступ делал Сэди уязвимой сам по себе, она предприняла дополнительные меры предосторожности для обеспечения собственной безопасности. Например, камеры видеонаблюдения и датчики движения.

Сэди Кросс почувствовала раздражение и нахмурилась, наблюдая за образами на экране. Керри Девлин и следовавший за ней Люк Фалько поднимались по заржавевшим железным ступеням. По крайней мере, теперь она знала, кому поручено расследовать двойное убийство в табачной лавке «У Лео».

– Проклятье.

Сэди предпочла бы иметь дело с другими сотрудниками. Ей в общем-то нравился Люк Фалько. Сэди будет труднее врать ему, и не факт, что вообще получится.

Ей требовалось врать. Хотя это для нее не было новым. Она много врала.

Это необходимость. Или, по крайней мере, вранье обеспечивало меньшее количество сложностей.

Также Сэди Кросс беспокоило, что Фалько и Девлин были хорошими детективами. Самыми лучшими в Управлении

полиции Бирмингема.

В дверь постучали. Стук. Стук. Пауза. Стук. Сэди уставилась на лицо Фалько на экране. Можно ведь и побыстрее с этим покончить. Даже если они сейчас уйдут, Фалько и Девлин вернутся позднее.

Она открыла многочисленные дверные замки. Сэди Кросс тяжело вздохнула и распахнула дверь.

– Что вы хотите? – Сэди никогда не рассыпалась в любезностях и не говорила лишнего. Задал вопрос – получи ответ. Все.

– Нам нужно поговорить.

Обычно Фалько тоже говорил прямо. По крайней мере, большую часть времени. Сэди бросила взгляд на Девлин.

– Хорошо. Только давайте побыстрее. У меня дел полно.

Она повернулась к ним спиной и пошла к кухонному столу рядом с раковиной, где оставила кофе. Этот лофт, как и большинство других, представлял собой одно большое помещение, стеной отделялась лишь маленькая ванная комната. Сэди нравилось такое пространство. Оно подходило ее характеру. Урбанистическое жилье. Просто и без помпы. Она специально не включала яркое освещение и почти погрузила лофт в темноту. Люди любопытны. В особенности детективы.

– Я бы предложила вам кофе, но вы ведь здесь ненадолго, не успеете выпить, – отметила Сэди и подняла чашку.

Фалько закрыл дверь и задвинул один из дверных засовов.

Он знал, как серьезно она относится к безопасности. Просто так исчезновение почти на год не проходит, а в особенности когда большую часть этого года не помнишь вообще. Неизбежно станешь параноиком в плане безопасности. Сэди не боялась. На самом деле нет. Смерть – не так и плохо. Обычно ужасным оказывается то, что с тобой делают перед тем, как убить.

– Ты знакома с заместителем окружного прокурора Эшером Уолшем? – спросила Керри Девлин. Она решила не тянуть кота за хвост и сразу перешла к делу.

Хорошо.

– Нет, – Сэди тоже не тянула резину.

– Колись, Кросс, – проворчал Фалько. – Он тебе последней звонил.

Сэди пожала плечами.

– Мое имя значится в списке контактов?

– Ты прекрасно знаешь, что нет. – Это сказала Девлин. – Кончай притворяться, Сэди. Почему Уолш тебе звонил?

В такие минуты Сэди хотелось вернуться в то время, когда у нее не было друзей. Всех друзей, которые у нее когда-либо имелись, словно смыло с картины после ее исчезновения. Некоторые так называемые друзья на самом деле имели наглость верить, что Сэди специально исчезла с радаров, а затем вернулась, когда что-то пошло не так. Да, вот так. Люди очень быстро осуждают то, чего не понимают.

Ей следовало запомнить урок насчет друзей. Она слиш-

ком близко подпустила Фалько, и это было ошибкой. Затем он притянул с собой Девлин. Черт побери.

Может, слово «друзья» в данном случае являлось преувеличением, но эти два человека знали ее лучше, чем большинство. По крайней мере, если говорить о *живых* людях.

Сэди Кросс с грохотом поставила чашку на кухонный стол и скрестила руки на груди.

– Ему требовалась информация. – Сэди склонила голову набок и обратилась к Девлин: – Знаешь, как тебе в прошлом году, когда исчезла племянница. Когда я помогла тебе выбраться из действительно запутанной ситуации.

Странно, что люди не помнят таких вещей и вспоминают, только когда это нужно для их целей.

Фалько покачал головой, но не успел сломать Сэди Кросс челюсть, поскольку Девлин пошла к Сэди. Керри прошла мимо, слегка задела одежду Кросс, схватила чашку и налила кофе. После этого она опустила худую задницу на диван. Сэди в свое время помогла Поли забрать этот диван с обочины в Маунтин-Бруке, а потом они вместе тащили его вверх по чертовой ржавой лестнице. Может, он и мог позволить себе купить новый, но Поли клялся, что бренд этого дивана стоит всех их усилий. Он был почти как новый, но людям, живущим в доме за несколько миллионов долларов, диван больше не требовался.

Вот таким был Поли. Он любил сберегать вещи. Например, сломленных детективов.

– У меня был очень трудный день, – произнесла Керри Девлин и этим вновь заинтересовала Сэди. – Мне пришлось поехать забирать дочь из школы после того, как одна из ее одноклассниц свалилась с лестницы – возможно, с чьей-то помощью. Из-за того, что заместителя окружного прокурора Уолша убили, у меня не было выбора, кроме как высадить получившего эмоциональную травму ребенка на пороге дома моей сестры и поехать сюда. – Она фальшиво улыбнулась. – А теперь прекрати испытывать меня на прочность и расскажи остальное.

Фалько усмехнулся.

– Черт побери, Кросс. Почему ты не скажешь все как есть?

Он тоже сходил к кофемашине, налил кофе и потом уселся рядом с напарницей.

Сэди прекрасно понимала, что зашла в тупик, поэтому решила бросить этой паре кость. Если она поможет выгнать их отсюда, то игра стоит свеч. Сэди Кросс прошла к креслу, которое когда-то раскладывалось и могло служить кроватью, но теперь на нем только сидели. Она опустилась в него и свесила руки между колен.

– Уолш видел себя великим. Хотел быстро сделать имя. И при этом не хотел пачкаться. В наши дни людей больше всего беспокоят две вещи: наркотики и торговля людьми. Мы все знаем, что наркокартели активно участвуют в торговле людьми, а не только занимаются наркотой. Уничтожишь одну, и поток прекращается. По крайней мере, на какое-то

время. Амбициозный заместитель окружного прокурора не скрывал отношения к наркотикам.

– Картель Осорио, – произнес Фалько. – Он знал, что ты один раз в него проникла, и захотел получить информацию.

– Все правильно, – саркастически ответила Сэди. Она вложила в ответ максимум яда. – Просто кто-то явно забыл сообщить Уолшу, что во время той операции пострадал мой мозг. В нем полно разрозненных кусочков из того периода, которые никак не склеиваются вместе и из которых никак не получается извлечь смысл. Словно кто-то потерял часть пазла, а теперь полная картина никак не складывается.

– Когда он впервые с тобой связался? – спросила Керри Девлин.

Сэди уставилась на другую женщину. Ей очень не хотелось, чтобы Керри ей нравилась, даже немного, но она ее уважала. Прошлым летом жизнь преподала Девлин тяжелый урок, но она подобрала рассыпавшиеся фрагменты и продолжает жить. Такое случается с полицейскими: иногда это занятие разбивает тебя на миллион маленьких кусочков.

– Примерно месяц назад.

Сэди откинулась на спинку кресла и заставила тело расслабиться. Ей было тошно от того, что Уолш мертв. Он на самом деле хотел достичь цели. И в процессе помочь Сэди, но она предупредила Уолша, что он рисует у себя на спине большую мишень. Тупой богатенький мальчик.

– Уолш хотел, чтобы я рассказала ему побольше о поме-

стье, где базируется картель Осорио, и про операцию.

На секунду или две воцарилось молчание. Фалько и Девлин ждали продолжения.

– И ты рассказала? – спросила Девлин.

– Я рассказала то, что уже известно всем остальным. У меня только фрагментарные воспоминания, туманные и расплывчатые, поэтому на них нельзя полагаться.

Это было не совсем так. Сэди Кросс вначале сказала ему то же самое два месяца назад, но Уолш снова и снова приходил к ней, и наконец месяц назад Сэди поделилась с ним дерьмом из прошлого. Дерьмом, которым не делилась ни с кем после регрессионной терапии.

Дерьмом, из-за которого его, вероятно, и убили.

– Он снова связывался с тобой после первого визита? – Фалько поставил чашку на столик у конца дивана. – Предполагаю, когда мы проверим расшифровку звонков Уолша, вчерашний окажется не единственным звонком тебе за последний месяц.

Сэди пожала плечами.

– Он звонил мне несколько раз, но обычно с запасного телефона. Уолш не был готов принять тот факт, что я не помню ничего полезного. Я ему говорила, что даже регрессионная терапия ничего не вытянула из моей головы, но он продолжал меня долбить. Некоторые люди не желают тебя слушать, если твои слова мешают осуществлению их планов.

– Что он хотел вчера вечером? – Керри потягивала кофе

и не отпускала взгляд Сэди.

Вот оно. Еще один момент для очередного фрагмента правды. Девлин и Фалько – хорошие детективы. Безжалостные. В конце концов они обо всем догадаются или просто достанут Сэди, будут приставать, пока она не расскажет им все, что знает. Сэди Кросс расскажет, лишь бы они ушли. Она не хотела продлевать эту пытку.

– Уолш рассказал, что, по его мнению, нашел внутренний источник. Возможно, связанный с распространением наркотики в Бирмингеме. Они с Лео Курцем собирались припереть этого человека к стенке. Уолш планировал предложить ему сделку со следствием, если согласится сотрудничать. Обычная чушь.

– Ты знаешь, кто был этим источником? – вцепилась в информацию Керри. – Мужчина? Женщина?

Сэди рассмеялась. Это был сухой смех, как листья в Алабаме во время безжалостной летней жары. Она на самом деле не помнила, когда в последний раз смеялась по-настоящему.

– Он называл этого человека «источником». Ни разу даже не намекнул, мужского пола или женского. Очевидно, раз вы здесь, источник не заинтересовала сделка, которую предложил Уолш.

Девлин гневно посмотрела на нее, словно была святее папы римского. А ведь они обе знали истинное положение вещей. Девлин не была святой. У нее имелись тайны. Грехи. Они есть у всех. По крайней мере, один раз она свои руки

замарала, и еще как.

Фалько поставил локти на колени и изучающе смотрел на Сэди над ободком чашки с кофе.

– Кто-то кроме Курца участвовал в плане Уолша, помогал ему? Может, владелец еще какой-то лавки?

– Если так, то этой информацией он со мной не делился.

Это было не совсем так. Привлечение других владельцев лавок и магазинов, избавление их от страха, убеждение раскрыть тайны как раз и являлось целью, но Сэди Кросс понятия не имела, начал ли Курц предпринимать попытки по привлечению остальных. В любом случае ей требовалось выяснить пару вещей перед тем, как раскрывать этим двоим слишком многое.

– А начальник Уолша знал про расследование? – спросила Керри.

– Понятия не имею. Предполагаю, что да, но Уолш его никогда не упоминал. У меня сложилось впечатление, что это его крестовый поход. Уолш хотел сам раскрутить дело, по крайней мере, пока не почувствует твердую почву под ногами.

– Нам нужна твоя помощь.

То, что Девлин произнесла эти слова, удивило – нет, шокировало – Сэди. Может, детектива на самом деле выбило из колеи случившееся в школе, где учится ее дочь.

Сэди решила плыть по течению.

– Я скажу вам то же, что и Уолшу. Спрашивайте все, что

хотите, но я не могу гарантировать ответ. По крайней мере, ответ, который я могу дать.

– Я уверен, на этот вопрос у тебя он есть, – заговорил Фалько. – Номер запасного телефона Уолша? Нам нужна расшифровка звонков. Посмотреть, кому еще звонил убитый.

Сэди Кросс продиктовала номер.

– Не тратьте время. Я уже проверила звонки. С этого номера он звонил только мне. Если у него был еще один телефон, я об этом не знаю.

– Отправь мне распечатку на электронную почту. – Девлин встала. – Спасибо за кофе. Учти, что у нас появятся еще вопросы.

Фалько поднялся на ноги, взял чашку Девлин и отнес ее и собственную в мойку. Этот мужик слишком хорош, черт побери, и внешность может не пойти ему на пользу. Годы работы под легендой, внедрения в преступную среду тоже сильно на него повлияли. Может, Фалько в эти дни такой хороший, даже слишком хороший, поскольку пытается искупить вину за совершенное им в тот период. Такое случается. Уход в подполье подобен актерской работе. Нужна достоверность. Нужно так играть, чтобы полностью войти в роль и стать новой личностью. Иногда приходится делать настоящие пако-сти, чтобы выдать наилучшее представление.

– Об этом деле будут говорить во всех программах новостей, Кросс, – сказал Фалько. – И шеф все время будет сто-

ять у нас над душой.

– Предлагаю вам сделку. – Сэди перевела взгляд с Фалько на Девлин. – Проверьте, чтобы никто не знал о наших звонках с Уолшем, а я буду с вами сотрудничать. Всячески помогу. Я не хочу, чтобы моя фамилия упоминалась в каких-либо официальных отчетах.

Девлин с Фалько переглянулись. Инициативу взяла на себя Девлин.

– Даю слово.

В одном Сэди была абсолютно уверена: Девлин не станет ей врать. Несмотря на то как низко она пала прошлым летом, Керри Девлин все равно не избавилась от представлений о том, каким должен быть хороший полицейский, и изо всех сил старалась соответствовать этому образу.

Сэди хотелось помочь Девлин увидеть: этот идеал нереален. Хороший полицейский делает необходимое, а иногда это нечто совсем плохое, но нужное.

– В таком случае мы договорились, – согласилась Сэди. – Я свяжусь с источниками и посмотрю, что мне удастся для вас выяснить.

Они у Сэди на самом деле были. У нее имелись бесценные источники информации, все – из самых неожиданных мест. Вообще, казалось маловероятным, что они у нее там есть. И источники были не только надежными, но и, черт побери, отличными. Ни один из источников еще ни разу не подвел Сэди Кросс, а она не могла сказать ничего подобного о боль-

шинстве друзей или о тех, кого Сэди так называла.

– Это нам бы очень помогло, – кивнул Фалько.

– Хорошо, – Сэди встала и направилась к двери. – Да, я знаю: вы будете у меня в долгу.

Когда она потянулась к верхнему замку, Фалько добавил.

– Я уже у тебя в долгу, Кросс. Я ничего не забыл.

Она повернулась к нему.

– Я уверена, что не забыл. – Сэди переключила внимание на Девлин: – Следует помнить помогающих тебе людей.

– Я тоже ничего не забыла, – кивнула Девлин.

Сэди снова потянулась к замкам.

– И еще одно. – Она встретилась взглядом с Фалько и Девлин и только тогда продолжила: – Все, связанные с картелем Осорио, абсолютно безжалостны. Такая гнусь, что вы просто не можете себе представить. Эти люди сделают все, что угодно, только бы защитить себя. Будьте осторожны.

– Понял, – сказал Фалько.

Девлин хотела уже выйти из двери, но притормозила.

– Ты тоже должна быть осторожна. Мы можем оказаться не единственными, кто знает, что Уолш обращался к тебе.

Сэди это прекрасно понимала. И это была еще одна причина, почему ей требовалось соединить вместе все разрозненные кусочки.

Что бы ни происходило, это, несомненно, как-то связано с ее прошлым.

15:00

**Окружная прокуратура, округ
Джефферсон Бульвар Ричарда
Аррингтона-младшего, Север Бирмингем**

Керри сидела за письменным столом заместителя окружного прокурора Эшера Уолша и оглядывала его кабинет. Обычная мебель для правительственного учреждения. Никакой модернизации для богатого бостонца не проводилось. Единственной уступкой для его престижного прошлого стал диплом юридического факультета Гарвардского университета, висевший в рамке. Больше ничего.

На доске информации – газетные статьи о наркотиках и торговле людьми, которые привлекли внимание Уолша после его переезда в Бирмингем. Содержимое его папок и ящиков письменного стола было в идеальном порядке, все безупречно организовано, но ничего полезного там не обнаружилось.

Фалько по одной просматривал книги (по большей части

по праву), стоявшие на полках у противоположной стены. Он открывал каждую в поисках хоть чего-то, что могло быть в них спрятано. Потом он проверял саму полку и только потом ставил книгу на место.

Секретарша Уолша Луиза Аллен отперла письменный стол и оставила Керри с Фалько вдвоем выполнять необходимую работу. У женщины покраснели глаза, потому что она недавно опять плакала. Пресс-конференция прошла в половине второго. Окружной прокурор вместе с шерифом и начальником городской полиции, а также госпожой мэром объявил печальную новость. Из-за того, что Уолш резко выступал против наркотиков, о чем было хорошо известно, регулярно высказывал твердые убеждения по этому вопросу, госпожа мэр Эмма Уоррен высказалась за формирование спецгруппы, включающей представителей Управления по борьбе с наркотиками. Хотя она прекрасно знала, насколько компетентен Отдел расследований, занимающийся крупными и резонансными делами, и о широкой юрисдикции Управления полиции Бирмингема, Уоррен считала, что смерть заместителя окружного прокурора Уолша – своего рода послание, а городу следует ответить на него, продемонстрировать силу и единство, а для этого нужно привлечь широкий круг специалистов.

Пока не начнет действовать эта спецгруппа, расследование предстояло продолжать Керри и Фалько.

Похоже, Уоррен не удовлетворило, что Отдел расследо-

ваний, занимающийся крупными и резонансными делами, сформирован из лучших полицейских Бирмингема и окружающих районов, а также Департамента шерифа округа Джефферсон, хотя она об этом знала. Она понимала, что под их юрисдикцию подпадает все. Бывший мэр, начальник полиции и шериф потратили много лет на формирование и развитие отдела. Да, это была относительно новая концепция, но пока отдел очень хорошо работал. Уоррен недавно заняла пост мэра и очевидно хотела доказать, что не только обращает внимание на все происходящее, но и хочет участвовать в городских событиях, будет рада обеспечить удовлетворение нужд общества. И станет достойной наследницей своего предшественника.

Хотя Керри не соглашалась с принятым решением, она должна была признать, что женщина, в особенности из национальных меньшинств, на самом главном посту в городе, — это новое веяние. Уоррен имела юридическое и психологическое образование, все время очень напряженно работала и активно участвовала в жизни общества. Едва ли какой-то день проходил без появления Эммы в программах новостей, и часто это была главная новость дня. Даже в шестьдесят лет утонченная красота Эммы Уоррен привлекала внимание СМИ. Она умела обратить внимание других на то, что хотела, подать посыл должным образом, и в результате у аудитории возникало желание присоединиться к ее предложению. Другие кандидаты на выборах не имели шансов.

Эмма Уоррен вдохновляла всех женщин, хотя в эти минуты она находилась в черном списке Керри.

Керри снова сосредоточилась на обыске. Она считала, что очень тщательно осмотрела все ящики письменного стола. Никаких спрятанных бутылок с алкоголем или наркотиков. Никакой порнографии. Обычные карандаши, ручки, блокноты, стирательные резинки, скрепки. Этот человек был удивительно организованным, словно он и не работал за этим столом. В одном ящике лежали папки. Аллен объяснила, что это дела, по которым Уолш работал в последнее время. Странно, что ни одно не было связано с картелем Осорио или каким-то другим. На самом деле ни одно и не сочеталось с незаконным оборотом наркотиков.

Это Керри не особо удивляло, а скорее наводило на мысль, что Кросс наврала про интерес Уолша к картелю Осорио. Хотя не имелось логического мотива или легко определяемого мотива, объясняющего, почему Кросс попыталась увести их в сторону. Зато показывало, что если Уолш им и занимался, то неофициально. Это было не совсем то, что Керри ожидала от человека, страстно желавшего показать себя и заработать репутацию настоящего профессионала. Почему такая секретность, даже с коллегами?

С другой стороны, Керри и Фалько пока не обнаружили ничего, что указывало бы на потерю друга или возлюбленной из-за их пристрастия к наркотикам или попадания в жертвы торговли людьми. Подобное могло стать причиной лич-

ного крестового похода. Но все равно, если основываться на уже известных данных, можно было смело утверждать: Уолш заставило всем этим заниматься что-то глубоко *личное*.

Может, и не случилось никакого конкретного события, способного поджечь запальный шнур взятой им на себя миссии. Обычно бывало не так. Если кто-то начинал расследовать дело втайне и в такой агрессивной манере, то обычно имелся какой-то личный мотив.

Им с Фалько только требовалось его найти.

Пока они еще не беседовали с окружным прокурором. Локетт находился на совещании. Аллен проследит, чтобы он уделит им какое-то время после того, как освободится.

Она еще раз просмотрела записи в блокноте Уолш с промокательной бумагой. Несколько разрозненных слов никак не помогли. В одном углу страницы был нацарапан телефонный номер, но это оказалась химчистка. Отсеки для входящих и исходящих писем на письменном столе пустовали. Аллен сказала, что Уолш всегда вовремя готовил все документы. Он был на высоте и в канцелярской работе.

На письменном столе стояла только одна фотография в рамке, где Уолш был сфотографирован с несколькими приятелями по юридическому факультету, однако и это они тоже знали только со слов Аллен. Фотографий родителей не стояло. Братьев и сестер у него не было. Аллен сейчас занималась составлением списка друзей и коллег, с которыми Уолш часто общался, а также сложных дел, над которыми он рабо-

тал после переезда в Бирмингем. Керри не ожидала ничего полезного. Она спросила секретаршу Уолша про дела, которым ее шеф уделял особое внимание или которые его сильно беспокоили, но Аллен сразу же ничего не пришло в голову.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел окружной прокурор Лютер Локетт. Керри распрямила спину и встала со стула. Локетт был крупным мужчиной, высоким и широкоплечим. В прошлом он играл за команду «Тигры» Обернского университета на позиции квотербека⁴. Если не считать политики, людей в Алабаме волновало соперничество «Тигров» и «Багрового прилива» из Университета Алабамы. Футбол был здесь страстным увлечением и практически местной религией.

Локетт захлопнул за собой дверь, бросил взгляд на Фалько и только затем сосредоточил все внимание на Керри.

– Добрый день, детективы. – Он протянул руку через стол и пожал руку сначала Керри, а потом точно так же Фалько. – Мне хотелось бы услышать новости. Что вам еще удалось обнаружить?

Локетт уселся в кресло перед столом и выжидающе смотрел на них.

– На этот момент, сэр, у нас не много информации. Мы попросили миссис Аллен подготовить список дел, которые вел ваш заместитель Уолш, а также списки его друзей и коллег. Мы также запросили распечатки телефонных номеров,

⁴ Квотербек – ключевой игрок нападения в американском футболе.

по которым он звонил и с которых звонили ему, и в настоящее время ищем любые записи, которые мог оставить Уолш, связанные с человеком или людьми, с которыми он собирался или ожидал встретиться вчера вечером. В ежедневнике ничего о встрече с мистером Курцем не записано. Он и вторая жертва не звонили друг другу и не обменивались СМС-сообщениями. Наша первая цель – установить связь между двумя жертвами.

Локетт кивнул Керри, словно одобрил услышанное.

– Вы можете не знать, что Эшер публично высказался по поводу контроля над оружием в недавнем интервью. Люди здесь, на Юге, не поддерживают такое отношение к данному вопросу. Вы определенно должны добавить и этот аспект к вашему списку потенциальных мотивов.

– Еще в одном недавнем интервью Уолш упоминал, что хочет сделать все возможное, чтобы остановить поток наркотиков в страну, – заметил Фалько и приблизился к письменному столу с книгой в руке. – Он был очень серьезно настроен.

– И еще Уолша волновала торговля людьми, – добавила Керри. – Другой его целью было положить ей конец.

Они посмотрели все пять интервью, которые Уолш дал местным новостным каналам после вступления в должность в окружной прокуратуре.

Локетт кивнул.

– Мы все приходим в мир правозащитной деятельности, в

прокуратуру с множеством идей о переменах, но нам не всегда удается достичь даже первой поставленной цели. Иногда не удается вторая и даже десятая. Мы можем делать все, на что способны. Я возлагал большие надежды на Эшера. Он был блестящим молодым человеком. – Казалось, Локетт задумался на мгновение. – Как вы понимаете, когда мои заместители работают над делами, я не всегда вникаю в детали, то есть просто не могу все знать досконально. Я доверяю сотрудникам. Я верю, что они хорошо выполняют работу и держат меня в курсе. Не сомневаюсь: вы выясните, что то, чем Эшер занимался вместе с мистером Курцем, как-то связано с выполнением им своих обязанностей здесь. Он не относился к людям, которые начинают действовать раньше времени, без должной подготовки.

– Я уверена, что вы правы, – согласилась Керри. Когда пауза затянулась, она добавила, заверяя его: – Мы сделаем все возможное, чтобы как можно скорее найти убийцу.

– Ну, тогда... – Локетт поднялся на ноги. – Оставляю вас. – Он остановился у двери. – Я уверен, что вы знаете о желании мэра Уоррен вывести расследование на новый уровень. Независимо от того, что выйдет из ее предложения, я хочу продолжения расследования, пока вы не получите какого-то другого приказа. Не позволяйте новостям, которые услышите в СМИ, как-то на вас влиять и замедлять работу. Каждый репортер хочет первым найти ответ. Вы же знаете: рейтинги.

– Все понятно, сэр, – кивнула Керри.

Если Уолш занимался одним или несколькими наркокартелями, то госпожа мэр несомненно будет настаивать на своем участии в расследовании. Ведь одним из пунктов ее предвыборной кампании было как раз искоренение незаконной торговли наркотиками. Подобно Уолшу, госпожа мэр очень резко выступала и против торговли людьми, публично заявляла о намерениях с этим покончить. И почему бы и нет? Ведь количество жертв женского пола в три раза превышает количество жертв мужского.

Когда дверь за Локеттом закрылась, Фалько открыл книгу, которую держал в руках. «Убить пересмешника» Харпер Ли. Он достал из книги фотографию.

– Взгляни.

Керри встала, когда ее напарник придвинулся поближе и передал снимок ей. Керри Девлин принялась изучать фотографию Уолша с женщиной лет шестидесяти с копной длинных, распущенных, выющихся седых волос. Женщина была одета в джинсы и свитер. Выражение лица говорило, что ей плевать на то, как она выглядит. Судя по пометке на оборотной стороне, фотография была сделана четыре года назад.

– Между этой женщиной и Уолшем есть внешнее сходство, – заметила Керри. – Хотя это не его мать.

Детектив провела кое-какую работу и видела фотографии родителей жертвы. Мать была очень привлекательной женщиной, стильно одевалась. Лучше всего для ее описания

подходило слово «эlegantная». Отец тоже был очень холерным, выглядел утонченным и умудренным опытом мужчиной.

– Это его тетя, – сообщил Фалько и открыл книгу в самом начале. – Она подарила книгу нашей жертве. Прочитай дарственную надпись.

Эшер!

Ты слишком хороший для выбранной тобою профессии. Если ты собираешься заниматься этим, вкладывай в дело всю душу.

С любовью, тетя Наоми

Керри подняла глаза от дарственной надписи на Фалько.

– Может, сестра его матери? Если судить по фотографиям матери, которые я нашла в Интернете, совершенно точно имеется сходство.

– А теперь вот на это взгляни.

Фалько перелистнул страницу и показал Керри. Она вручила ему фотографию, взяла в руки книгу и провела глазами по странице, где указывалась информация об издателе.

– Первое издание.

– И дарственная надпись автора, – показал Фалько.

И да, там на самом деле стояла подпись этой знаковой фигуры. Слова предназначались некоему Норману Тейлору: «Будь лучшим – насколько можешь».

До того как Керри успела что-то спросить, Фалько пояснил:

– Я нашел в Интернете Нормана Тейлора. Как и автор, он умер несколько лет назад. Ему было девяносто с лишним. Вышедший на пенсию адвокат из Бирмингема. Адвокат, который вел *громкие дела*. Активно поддерживал борьбу за гражданские права в шестидесятые годы. – Он повыше поднял фотографию женщины по имени Наоми. – Эта тетя Наоми – дочь Нормана Тейлора.

– Значит, вполне возможно, что Норман Тейлор был дедушкой Уолша по материнской линии.

У Керри холодок пробежал по спине, когда детектив вспомнила документальные хроники, посвященные борьбе за гражданские права в Бирмингеме, которые смотрела.

– Девичья фамилия матери не Тейлор, но судя по фотографии и надписи дарителя, эти двое были связаны какими-то родственными узами, – согласился Фалько. – Вопрос в том, почему никто здесь, в месте, где работал убитый, не понял его связь с Бирмингемом? Вспомни, с какой шумихой он сюда приехал, Девлин. И интервью, которые мы с тобой смотрели. Никто, включая самого Уолша, ни разу не упомянул про его личную связь с Бирмингемом.

Фалько произнес интересную вещь. Керри задвинула стул, на котором сидела, под стол.

– Может быть и так, что эта Наоми просто добрая знакомая, которая величает себя тетей. – Дети ее сестры Дианы всегда называли лучшую подругу матери Дженнифер тетей Джен. – В любом случае нам нужно побольше разузнать об

этой Наоми Тейлор.

– Давай уточним у секретарши Уолша, – предложил Фалько.

– Отличная мысль. Спроси. – Керри улыбнулась напарнику. – Используй знаменитый шарм Фалько. Она не сможет устоять.

Он усмехнулся и направился к двери.

– Странно, но на тебя он никогда не действует.

– У меня иммунитет.

Керри покачала головой и принялась снова изучать фотографию. Не так давно она поняла, что всегда можно рассчитывать на одну вещь: у всех есть свои секреты.

Хороший человек или плохой, богатый или бедный, но всегда что-то есть.

У Эшера Уолша и его семьи их окажется множество.

* * *

Дом Тейлор Восемнадцатая авеню, Юг Бирмингем, 16:00

– Вот этот дом? – Керри перегнулась через напарника и смотрела на дом с правой части тротуара, у которого остановила машину.

– Он самый, – подтвердил Фалько. – Место проживания Наоми Джун Тейлор. Шестьдесят два года. Никогда не была замужем. Детей нет.

Секретарша Уолша понятия не имела, кто такая Наоми Тейлор. Им пришлось искать информацию в базе данных Управления по транспорту и старых газетных статьях об отце Наоми Джун Тейлор. Она была вышедшим на пенсию профессором, преподавала право в Сэмфордском университете, альма-матер ее отца и ее самой. Ездил она на винтажном «Мерседесе», за последние два года получила три штрафа за превышение скорости. Около дюжины штрафов за неправильную парковку оставались не оплачены.

Керри осмотрела дом.

– Выглядит несколько обветшалым.

– Да и район не самый лучший, но он был очень популярен в пятидесятые и шестидесятые годы.

Фалько потянулся к ручке дверцы. Керри вышла из машины и встала рядом с ним перед капотом своего «Вагонера».

– Даже сейчас вид на город отсюда остается великолепным.

За домами, выстроившимися в ряд на этой стороне улицы, открывался потрясающий вид на Волшебный город⁵, раскинувшийся на местности. По вечерам, после наступления

⁵ Бирмингем получил название «Волшебный город» в 1865 году в конце Гражданской войны, потому что находился на пересечении железной дороги Север – Юг и железной дороги Восток – Запад.

темноты, когда зажигаются огни, зрелище, вероятно, становится еще более впечатляющим. Явно стоит посмотреть!

– Вообще-то, дом не запущенный, – заметил Фалько и поправил куртку.

Когда его назначили новым напарником Керри, Керри Девлин в Фалько многое раздражало, а манера одеваться сводила с ума. Напарник казался самоуверенным, при этом беззаботным и невозмутимым. Он не тыкал тебе в лицо своим «А мне нравится выглядеть хиппово», и на отношение Фалько к жизни можно было не обращать внимания, пока он не открывал рот, а рот напарник открывал довольно часто. Впрочем, не обращать внимания на его гардероб было невозможно. Потертая кожаная куртка, старые джинсы, мятая футболка. Он совершенно не походил на типичного детектива из Отдела расследований, занимающегося крупными и резонансными делами. До сих пор не выглядел. Керри была уверена, что команды из них не получится, и сразу же заявила это лейтенанту Бруксу. Люк Фалько совсем не походил на напарника, которого она ожидала.

Керри ошиблась. Она быстро поняла, что об этой книге нельзя судить по обложке. Фалько был преданным, заботливым и упорным. И кроме того – прекрасным детективом.

Она без колебаний, безусловно могла нырнуть вместе с ним хоть в огонь, хоть в воду.

Появление Фалько было единственным хорошим событием в прошлом году.

Он постучал в дверь дома Тейлор.

Судя по виду, дом был построен где-то в пятидесятые годы прошлого века, может, раньше. Красный кирпич. Несколько облупившаяся белая краска на архитектурных украшениях. Немного порванные противомоскитные сетки на окнах. Участок оказался хорошо ухоженным. Разноцветные весенние цветы цвели в клумбах и ящиках на окнах. Керри плохо знала названия цветов, но отметила, что самые красивые – голубые, и их здесь больше всего. Явно любимые у владелицы дома. Керри вспомнила, что во дворе у Дианы цветут такие же цветы.

Лужайка была аккуратно подстрижена. На деревьях появились зеленые весенние листочки. Вся картина напомнила Керри Девлин о том, что ей самой требовалось сделать вокруг собственного дома.

Может, когда-нибудь.

Дверь открыли совсем чуть-чуть, и в щелочке показался один голубой глаз под туго натянутой латунной цепочкой.

– Если вы что-то продаете, я не заинтересована. Если хотите привести меня к Господу, не тратьте время. Мы с ним не ладим.

Керри продемонстрировала жетон.

– Мэм, меня зовут детектив Девлин, а это детектив Фалько. Мы хотим поговорить с вами про Эшера Уолша.

Дверь снова закрылась, послышался звон снимаемой цепочки, потом ее открыли. Может, мисс Тейлор и перевали-

ло за шестьдесят, но она оставалась стройной, а глаза Наоми Джун – живыми и внимательными. Привлекательная женщина с седыми волосами и голубыми глазами, в розовом свитере, который придавал ей женственности и смягчал вид выцветших удобных джинсов и белых теннисок. Одетая она была в повседневном стиле с акцентом на удобство и практичность. Модные очки в жемчужной оправе сидели на тонком носу, и от этого ее глаза казались еще больше. И эти большие глаза покраснели. Может, из-за аллергии, или мисс Тейлор уже услышала новость про Уолша. Если она только совсем не смотрит телевизор и не слушает радио, а так очень сомнительно, что мисс Тейлор могла пропустить пресс-конференцию.

Дама махнула рукой на комнату слева.

– Пожалуйста, проходите в гостиную.

– У вас красивые цветы, мисс Тейлор, – заметила Керри и уселась на небольшой диванчик.

Многочисленные окна наполняли небольшое пространство светом. По всему помещению стояли цветы в горшках. У дамы определенно были умелые руки или домработница с такими руками. В любом случае она любила свои растения.

– Я уже давно поняла, что работа в саду – лучшая терапия для ума. Очень успокаивает. Гораздо эффективнее прозака⁶ и совершенно законно. Хотите чаю или воды?

Керри отметила, что Тейлор обладает острым умом. Хотя

⁶ Прозак – антидепрессант.

она и не ожидала ничего другого от профессора-правоведа.

– Ничего не нужно. Спасибо, – ответила Керри, когда Фалько присел рядом с ней. Он также отказался от напитков. Тейлор опустила в кресло и расслабилась.

– Мне звонила подруга, работающая в команде мэра, и сообщила о случившемся с Эшером. – Внешне она оставалась сильной, не сломалась, но в глазах блестели эмоции. – Я знала, что это плохо закончится. Что это только дело времени. Я предупреждала его, но Эшер был упрямым, как я, поэтому ничто не могло его остановить, и он шел дальше вперед.

Фалько бросил взгляд на Керри.

– Вы можете объяснить, что имеете в виду, мисс Тейлор?

– Давайте начнем с самого факта его пребывания в Бирмингеме. Вы считаете, что это был лучший вариант, на который мог претендовать молодой человек, с блеском окончивший Гарвардский университет? Он был лучшим студентом на курсе. Потом работал в Высшем апелляционном суде в штате Массачусетс. А потом сюда? Я вас умоляю. Перед ним открывались бесконечные возможности.

– Он приехал в Бирмингем, чтобы быть рядом с вами? – спросила Керри. У дамы не было детей, и никто из членов семьи в этой местности не проживал, по крайней мере, они никого не смогли найти. – Вы родственники?

– Предполагаю, какую-то роль это сыграло, когда он принимал решение, пусть и небольшую. – Наоми Джун Тейлор положила один локоть на подлокотник кресла и сжала руки

на коленях. – В детстве – до пятнадцати лет – он каждое лето приезжал сюда на несколько недель. Потом отец решил, что не хочет, чтобы кто-то поддерживал связь между семьей Уолшей и моей, поэтому Эшер стал приезжать гораздо реже и на меньшее время.

– Значит, вы родственники, – сделала вывод Керри. – По линии его матери?

– Отец Эшера сказал бы, что нет, но это правда. Мы с Ланой сестры. Когда мне было два года, наша мать бросила отца и меня. Она переехала в Бостон, чтобы учиться в колледже. Мама родила в очень юном возрасте. Самым большим ее желанием было сбежать от южного наследия и вести другую жизнь. В конце концов она снова вышла замуж и родила еще одного ребенка, мою сестру Лану – мать Эшера. Если вкратце, то я росла здесь с отцом, а Лана в Бостоне. Мать настаивала на нашем знакомстве и каждое лето привозила меня в Бостон. Мы с Ланой в какой-то степени поддерживали отношения до смерти матери. После этого не особо. У нас была совсем разная жизнь и разные цели. Как часто говорил мой отец, моя младшая сестра унаследовала внешность матери, а мне достались мозги. Я стала профессором права, а моя сестра нашла себе богатого мужа. Меня ее муж не любит. Я уверена, что не соответствую его высоким стандартам. – У нее из горла вылетел тихий звук, напоминающий смешок. – Наверное, справедливо, потому что я презираю этого ублюдка.

Керри прикусила губу, чтобы не улыбнуться от такой откровенности.

– Но они позволяли Эшеру вас навещать, – заметил Фалько.

– Только потому, что хотели путешествовать по всему миру, а с Эшером это было не так просто. Он доставлял много хлопот. Наша с Ланой мать умерла до его рождения, поэтому не было никого, с кем его можно было бы оставить, кроме няnek, а, как мне кажется, его родители не хотели, чтобы кто-то знал про их личную жизнь. Эшер обычно повторял каждое услышанное от родителей слово. Это была серьезная проблема до тех пор, пока его желание иметь машину не перевесило необходимость вызывать у родителей раздражение.

– Он поддерживал с вами общение после того, как прекратил часто приезжать? – спросила Керри.

– Вначале нет. – Наоми Тейлор вздохнула, у нее на лице появилась печальная улыбка. – Знаете ли: гормоны. Подростковый возраст, влюбленности и потери. Хотя к тому времени, как он поступил на юридический факультет, Эшер снова начал со мной общаться. Думаю, он понял, насколько мы с ним похожи.

– Чем именно вы похожи? – поинтересовалась Керри.

– Целеустремленностью. Нашей любовью к правоведению. А больше всего, как я думаю, нелюбовью к привилегированным классам.

– Людям с деньгами? – уточнил Фалько. – Только его отец

очень богат, и сам он учился в Гарвардском университете.

– И его неприязнь только росла. Никто не удивился больше, чем я, когда он решил перебраться на Юг вместо того, чтобы пойти работать в престижную фирму отца. Лилэнд это планировал с той минуты, когда Эшер появился на свет. – Наоми Джун Тейлор слегка пожала плечами. – Хотя предполагаю, его отец удивился еще больше. На самом деле я уверена, он испытал сильное потрясение. Отец был ошеломлен, и я этому очень радовалась.

Керри вернула разговор в настоящее.

– Эшер проводил много времени с вами после переезда в Бирмингем?

– Он снимал квартиру в кондоминиуме, но редко там ночевал. Я считаю, что он ее арендовал для соблюдения внешних приличий. Большую часть ночей он проводил здесь. Я заподозрила нехорошее, когда он вчера вечером не пришел ночевать. Я почти не спала. Я хотела ему позвонить, но он просил этого не делать. У него была важная встреча. Эшер заверил меня, что объяснит все сегодня.

Керри подумала про следующий шаг. Эта дама, казалось, была готова к сотрудничеству, но она знала законы. И очевидно лучше, чем многие. Их пригласили в эту комнату, а чтобы выйти за ее пределы, требовался ордер на обыск. Или ее разрешение. Похоже, дама рада с ними поговорить, но она вполне может уклониться от всего остального и даже помешать им.

– Следующий пункт нашего плана – осмотреть его квартиру в кондоминиуме, но, наверное, нам не стоит с нее начинать. Можно нам посмотреть его комнату здесь?

Мисс Тейлор распрямила спину, сидя в кресле. Она долго молча смотрела на Керри.

– Делайте все, что считаете нужным, если это поможет найти того, кто забрал у меня Эшера. Он был потрясающим молодым человеком с блестящим будущим. А что еще важнее, он был хорошим. Он хотел помогать другим и избавить мир от наркотиков, поскольку был очень серьезно настроен против этой дряни и от другого зла. По правде говоря, детективы, он был слишком хорош для этого мира. – Она встала. – Его комната находится в конце коридора справа, на верхнем этаже. Я заварю чай.

Фалько последовал за хозяйкой из комнаты.

– Я могу вам как-нибудь помочь?

– Нет. Нет. Идите и выполняйте свою работу, детектив. Я завариваю чай с тех пор, как в детстве научилась зажигать плиту.

Керри медленно поднималась по крутой лестнице и изучала семейные фотографии в рамках. Она увидела несколько фотографий Уолша в детстве, но только одну его матери Ланы. Похоже, она была сделана лет тридцать назад. Лана и Наоми стояли перед каким-то историческим зданием, явно не в Алабаме. К тому времени, как Керри добралась до лестничной площадки, ее догнал Фалько. Похоже, дом оказал-

ся в капкане последней модернизации. Керри решила, что ремонт здесь делали в последний раз в семидесятые годы, учитывая модных тогда сов, «рассаженных» по дому, и геометрические формы и геометрические фигуры на некоторых картинах. Никакой недавней перестройки и косметического ремонта.

– Как думаешь, дама может знать, зачем Уолш на самом деле встречался с Курцем? – спросил Фалько.

– У меня сложилось ощущение, что она много знает, но как и любой хороший юрист, она ничего нам не скажет, пока не возникнет такая необходимость.

В узком коридоре было четыре двери. За первой справа оказалась спальня, оформленная в розовых тонах с кружевными занавесками и весьма потрепанным, но когда-то шикарным постельным бельем. Золотистый ковер с грубым ворсом еще больше подчеркивал атмосферу семидесятых. Бутылочки духов на трюмо указывали, что это спальня хозяйки дома. Следующая дверь вела в большую винтажную ванную комнату с массивной глубокой ванной. Напротив ванной находилась вторая спальня – темная, явно мужская, с тяжелой антикварной деревянной мебелью, включая кровать с четырьмя столбиками и балдахином. Здесь пахло плесенью, как в закрытом, долго не используемом помещении. Это указывало на то, что спальня по всей вероятности принадлежала отцу Наоми.

Последняя дверь вела в самую большую спальню. Там

имелась ванная комната, дверь в которую оставили открытой. Также были распахнуты и двустворчатые двери встроенного шкафа с рубашками, костюмами и несколькими парами джинсов. Хотя мебель здесь тоже была старая, но все-таки поновее, чем обстановка во всех других частях дома. Вероятно, Уолш жил в этой комнате не только после переезда в Бирмингем, но и когда приезжал сюда в детстве. Пространство еще раз показывало, что Наоми Тейлор обожала племянника. Она выделила ему лучшую комнату в доме, ту, в которой должен жить хозяин.

Фалько открыл ящик комода.

– Похоже, мистер Уолш соблюдал такой же порядок дома, как и на работе.

Керри посмотрела на аккуратно выровненные вешалки в шкафу.

– Думаю, мы вполне можем предположить, что он любил видеть каждую вещь на своем месте.

Аккуратный и сдержанный.

Стены были выкрашены в светло-голубой, почти белый цвет. В этой комнате не имелось никаких ковров с грубым ворсом. Деревянный пол оказался протерт и поцарапан после того, как по нему ходили несколько десятилетий. Кровать, комод, бюро и прикроватная тумбочка были сделаны из горного клена где-то в середине двадцатого столетия. Керри вспомнила, что в спальне у ее бабушки стояла как раз такая мебель.

Детектив направилась к прикроватной тумбочке, а Фалько в это время выдвигал ящики комода. Они освобождали каждый ящик, проверяли верх, низ, боковые стенки, затем возвращали все вещи на место, туда, где нашли. Они осмотрели место между матрасом и пружинами кровати, а также все пространство под кроватью. Фалько принялся осматривать доски пола – не отходит ли какая-то из них, а Керри в это время зашла в ванную комнату и осмотрела небольшой шкафчик и сливной бачок. Мест для обустройства тайника было немного.

Она вернулась в спальню, прошла к шкафу с одеждой и принялась осматривать каждый карман. Фалько закончил с полом, проверил вентиляционные трубы и присоединился к ней. Ширина шкафа составляла метра полтора, глубина – сантиметров шестьдесят. Ничего похожего на современные гардеробные. Фалько опустился на колени и стал проверять обувь, стоявшую ровным рядом в нижней части шкафа.

Внимание Керри привлекло что-то желтое. Эта мелкая деталь находилась в задней части шкафа. Она попыталась раздвинуть висевшую одежду. Когда вид на заднюю стенку открылся, Керри Девлин увидела несколько желтых квадратов. «Бумага». Она нахмурилась. Листочки для заметок с клейким краем. Множество листочков.

– Взгляни сюда. – Детектив отвела в сторону часть висевшей на вешалках одежды и ждала, когда Фалько поднимется с колен.

Он протянул руку к одной из записок.

– «Осорио». – Фалько приклеил листочек назад на стенку и сорвал другой. – «Кросс». – Он перевел взгляд на Керри. – Нам нужно убрать отсюда всю эту одежду.

Они достали вещи из шкафа и сложили кучей на кровати. Шкаф опустел. Большая часть задней стенки была покрыта листочками для заметок с клейким краем, фотографиями и газетными статьями.

– Это дело, над которым он работал, – тихо произнесла Керри и поразилась тому, как глубоко этот человек занимался картелем Осорио и как Уолш изучал потенциальные связи картеля с Бирмингемом. Большинство статей были посвящены картелю. На листочках для заметок значились фамилии и места. Даты. Разнообразная информация, которую, вероятно, можно было каким-то образом связать, но на сегодняшний день не получалось выстроить логически.

– Нам нужно снова поговорить с Кросс, – объявил Фалько. – Ты только взгляни, какое количество раз ее фамилия здесь упоминается. Если это можно считать показателем, то она, черт побери, знает гораздо больше, чем говорит.

– Я поняла. – Керри и раньше подозревала, что Кросс поделилась с ними далеко не всем.

У нее в кармане завибрировал телефон. Керри Девлин вытащила его и прочитала входящее сообщение:

«Когда ты вернешься домой?»

Тори.

– Давай все это задокументируем, – поспешила Керри. – Потом быстренько пройдемся по дому Курца, посмотрим, нет ли там чего-то связанного со всем этим, а потом ты отправишься к Кросс. Мне нужно скоро вернуться домой. Лучше раньше, чем позже.

– Там все в порядке?

Керри позволила расследуемому делу временно задвинуть подальше инцидент, произошедший в школе ее дочери, но он никуда не делся. Мысли крутились и нарастали в дальней части ее сознания, предупреждали о высокой вероятности, что какая-то часть ее собственной жизни и жизни дочери изменится навсегда. Что-то может быть совсем не в порядке.

– Пока не знаю. Надеюсь.

19:30

Дом Девлин Двадцать первая авеню, Юг Бирмингем

Керри убрала оружие в сейф на прикроватной тумбочке, тяжело вздохнула, стащила с себя куртку и бросила на кровать. Они не нашли никаких улик, которые показали бы, что кто-то заходил в дом Курца после того, как владелец покинул его вчера и направился в лавку. Не нашлось никакого листочка для заметок с клейким краем и ничего другого, связанного с Кросс или наркокартелем, ничего подобного тому, что они обнаружили в шкафу Уолша. Эксперты-криминалисты, конечно, пройдутся по всему дому, снимут отпечатки пальцев, и они с Фалько осмотрят его еще раз.

Только не сегодня вечером.

Наибольшее разочарование вызывало отсутствие чего-либо, что хотя бы намекало на отношения между Курцем и Уолшем. Ничто не указывало на то, что Курц занимался чем-то, кроме своей лавки, и на то, что он вообще был знаком

с Эшером Уолшем. Похоже, Курц просто наслаждался жизнью.

В доме Дианы, когда Керри туда заехала, все было как обычно. Диана притворялась, будто все отлично, с мальчишками-двойняшками, ее сыновьями, все замечательно, и у Робби, ее мужа, тоже все прекрасно. Танцевальная студия, созданию которой она посвятила жизнь, тоже работает отлично.

Все отлично.

Керри задумалась, сколько Диане приходится принимать прописанных ей препаратов, чтобы все казалось отличным.

Она потеряла глаза и напомнила себе, что ей самой, вероятно, потребуется нечто большее, чем лекарства, если что-то случится с Тори.

Вместо того чтобы прятаться в комнате и беспокоиться обо всем, что шло не так в ее жизни, Керри направилась в комнату дочери. Когда они ехали домой, Тори молчала. Состояние Майерс оставалось критическим – Керри успела посмотреть часть выпуска новостей в доме Дианы перед тем, как переключили канал. Она надеялась, что Сайкс сообщит ей о последнем развитии событий, но этого не произошло. Керри Девлин и не должна была на это рассчитывать. Ее дочь оказалась вовлечена в дело, следовательно, Керри являлась заинтересованным лицом, а значит, ей не станут сообщать новые детали, всплывшие в процессе расследования.

Она постучала в закрытую дверь в спальню дочери.

– Заходи! – крикнула дочь тоном человека, смирившегося с судьбой, словно говоря: «Ты же все равно зайдешь, так зачем утруждаешь себя стуком?»

Керри открыла дверь и вошла. Тори устроилась на кровати. Она подоткнула под спину груды подушек, а ноутбук лежал у девочки на животе.

– Нашла что-нибудь интересное в социальных сетях?

Тори сделала домашнее задание дома у Дианы. Не требовался магический хрустальный шар, чтобы узнать, чем она занимается. Она почти точно искала новости о пострадавшей однокласснице.

И, возможно, все сплетни, появившиеся после инцидента.

– Я не хочу об этом говорить. – Тори закрыла ноутбук и прижала к груди как щит. – Какие новости?

Керри присела на край кровати и с минуту изучающе смотрела на дочь. Такие же светло-каштановые волосы, как у самой Керри. Такие же карие глаза. Высокая для своих лет и худая. И умная. Тори на самом деле была умной. Гораздо больше, чем были ее мать или отец в этом возрасте.

– Ты вспомнила что-нибудь о случившемся, что могло бы как-то повлиять на расследование?

Тори с вызовом посмотрела на Керри, словно надеялась заставить ее сменить тему. Нет, никак не получится.

Тори признала поражение и буркнула:

– Кто-то из семьи Брендал написал в «Фейсбуке», что ее состояние не изменилось. Критическое. И она все еще не

приходила в сознание. Родственники просят за нее молиться. – Она несколько раз быстро моргнула, чтобы сдержать горящие в глазах эмоции. – Я не понимаю, зачем кому-то молиться. Я вон сколько молилась за Амелию, а толку-то? Нисколько не помогло. – Она снова гневно посмотрела на Керри. – Возможно, я что-то делала неправильно. Может, все дело в том, что я почти никогда не ходила в церковь.

Самый легкий способ избавиться от чувства вины – взвалить ее на кого-то другого.

– Твой отец не хотел грузить тебя религией. – Хотя саму Керри водили в церковь, когда она росла, и от старых привычек трудно избавиться, но нельзя было сказать, что детектив полностью не соглашалась с бывшим мужем. – Если хочешь, можем помолиться вместе.

– Забудь.

Керри дала дочери пять секунд, чтобы та поварилась в последнем оправдании такого состояния – почему она чувствует себя несчастной. Затем она задала вопрос, на который Керри Девлин отчаянно требовался точный ответ.

– Ты считаешь, в случившемся с Брендал есть какая-то доля твоей вины?

Керри затаила дыхание. Ей не хотелось думать, что дочь способна на такое насилие – и она не верила в это, – но матери требовалось знать, что же случилось.

На лице Тори появился ужас.

– Как ты можешь такое спрашивать? Конечно, нет.

– Что-то ты недоговариваешь, Тори. Что-то тебя беспокоит. У меня сложилось ощущение, что ты борешься с собой, страдаешь из-за причастности или ответственности за случившееся.

После того как Тори исполнилось четырнадцать лет, она стала более скрытной. Это было нормально. Керри понимала. До этого года Керри знала всех друзей Тори, как девочек, так и мальчиков, всех, начиная с детского сада. Теперь все изменилось. После начальной школы Тори пошла в частную школу, в которой училась до сих пор, и часть детей тоже перешла туда. Появились и новые, много новых имен и лиц.

Керри с сестрой ходили в государственную среднюю школу. И дети Дианы ходили. Отец Тори настоял, что их единственный ребенок будет учиться в частной школе. В той самой, где учился он сам. Странно, что эта престижная школа не научила его морально-нравственным принципам, или он просто пропустил изучение морального кодекса, когда его там проходили. Но несмотря ни на что, Тори там нравилось. Ее друзья учились там. Бывший муж Керри при разводе сделал только одну хорошую вещь – согласился платить за обучение Тори до окончания школы. Эта уступка была сделана не ради Керри и даже не ради Тори. Ник просто не мог допустить, чтобы его ребенок, даже брошенный им эмоционально и географически, посещал государственную школу.

– Я сказала полиции правду, – объявила Тори, на глаза которой снова наворачивались слезы. – Я не знаю, что слу-

чилось. Мы все стояли там, а в следующую секунду Брендэл уже падала с лестницы.

На последнем слове ее голос задрожал. Она вытерла глаза. Керри дала ей минутку, чтобы прийти в себя.

– Эта твоя новая подруга Элис... Она тебе нравится? Я имела в виду: нравится ли она тебе так, как Сара?

Тори пожалала худенькими плечиками, фактически дернула одним.

– Наверное. Мы с Сарой дружили всегда, нельзя сказать, что мне так же нравится Элис. Я не так давно с ней знакома. Она симпатичная и умная, но трудно сходится с людьми. Она любит быть в центре внимания. Это многих отталкивает.

Бесспорно.

– Значит, она не робкая?

Еще одно ничего не значащее пожимание плечами.

– Она просто... знаешь... другая.

Брайтонская академия славилась тем, что принимала детей разных национальностей. Керри не могла понять, какие трудности могли возникнуть у Элис из-за принадлежности к ее этнической группе.

– В каком смысле другая?

– Властная. Любит командовать.

Если появляется новая ученица, которая любит командовать, то это, конечно, не понравится большинству других.

– И как она командует?

Тори тяжело вздохнула.

– А как ты думаешь? Любит говорить людям, что делать. Она называет себя принцессой.

Тори сжала губы, глаза у нее округлились. Она явно сказала Керри больше, чем собиралась.

– Принцессой?

Тори облизнула губы.

– Вообще-то, это секрет. Я не должна была его раскрывать.

– Я никому не скажу, – пообещала Керри. – Все, что ты говоришь мне, останется между нами, если только это не имеет отношения к случившемуся. Я обязана... мы обе обязаны сообщать все, что относится к случившемуся с Брендал.

Тори теребила пальцами край ноутбука.

– Элис говорила, что рождена править, но что-то случилось и изменило все. Именно поэтому ее и отправили сюда. Подальше от дома, пока не решатся те проблемы. История о смерти ее родителей – это прикрытие. Ее родители на самом деле умерли, но давно. Ее послали подальше от дома, чтобы защитить от того, что происходит в Мексике.

Керри кивнула.

– Все может быть. Хотя иногда люди что-то придумывают, если случившееся в реальности приносит слишком много боли.

– Думаю, она так и делает. – Тори встретила взглядом с матерью. – На самом деле я не поверила в то, что она принцесса.

Керри ждала продолжения рассказа, но вместо этого Тори отвернулась.

– Вы с Сарой несколько раз у нее ночевали.

Теперь Керри поняла, что с последней такой ночевки в гостях прошла уже пара месяцев. Элис никогда не оставалась у них ночевать. Керри понятия не имела, ночевала ли она у Сары.

– От ее дома мурашки бегут по коже. – Тори секунду покусывала нижнюю губу перед тем, как продолжить: – Мне не нравится там бывать. Похоже, Сара там оставалась пару раз уже без меня.

– Район хороший, – заметила Керри. Она обязательно выясняла, что за дом у подруг Тори и в каком районе находится, если возникал вопрос похода в гости.

– Дело не в этом. Сам дом красивый, с ним все нормально, но внутри от него бросает в дрожь.

– Почему?

Это было новостью.

– Там полно предметов культа. Ее тетя и дядя очень религиозные.

– И от этого тебе было некомфортно?

Это Юг. Большинство людей ходит в церковь. Тори несколько раз посещала церковь вместе с Сарой. Дома у Дианы есть кресты и, по крайней мере, одна картина с изображением Иисуса.

Тори кивнула.

– Просто там все по-другому. Пожалуйста, давай больше не будем об этом говорить?

– Хорошо. Пока не будем. Мне нужно, чтобы ты подумала о том, что происходило непосредственно перед тем, как упала Брендал, и рассказала, что еще вспомнишь. Может, будут отличия от того, что ты говорила мне раньше. С тобой снова будут беседовать детективы Сайкс и Петерсон. В этом можешь не сомневаться.

Третье пожимание плечами.

– Хорошо.

– Я иду готовить ужин. – Керри встала. – Если хочешь, приходи мне помочь.

Керри оставила дверь открытой, чтобы подчеркнуть, как она хочет видеть рядом дочь, и направилась вниз. Она всегда доверяла дочери. Тори ничего от нее не скрывала. Вернее, промолчала только один раз, когда тот мужчина не давал покоя Амелии. Керри не могла поверить, что дочь еще когда-нибудь скроет что-то важное. Не после потери Амелии. Они до сих пор переживали после того, как ее лишили.

Керри не была глупой и понимала, что дочь может когда-нибудь повторить ошибку.

В кухне Керри Девлин осмотрела кладовку, поскольку надеялась найти в ее содержимом нечто вдохновляющее. Детективу на самом деле нужно отправиться по магазинам. Пополнить запасы. Может, стоит обратиться в одну из служб доставки и заказать по Интернету. Эта услуга теперь все по-

пулярней. Или самовывоз? Диана в восторге и от того и от другого. У Керри завибрировал мобильный. Она вытащила его из кармана. «Фалько».

Мысли мгновенно перекинулись на дело.

– Привет! Получил какие-нибудь откровения от Кросс?

Керри предполагала, что Уолш, возможно, обратился к Кросс, ведь она столько лет работала под легендой, внедрялась в преступную среду, охотилась на крупных наркоторговцев. В любом случае Кросс скрывала, насколько близко знала заместителя окружного прокурора.

– Я не смог ее найти, – сообщил Фалько, в голосе которого слышалось раздражение. – Кросс нет дома, и она не отвечает на мобильный. Может, занята. Обычно она мои звонки не игнорирует. Буду дальше пытаться.

Первой мыслью было предположение, что Кросс их избегает, но Керри отмахнулась от такого вывода. Она напомнила себе, что кое-чем обязана Кросс и должна оправдать эту женщину за недостаточностью улики.

– Как считаешь, у нее есть основания не желать с нами разговаривать?

На две секунды воцарилось тяжелое молчание.

– Да. Думаю. Насколько я знаю Кросс, она сейчас сама проводит расследование смерти Уолша и не хочет нашего участия.

– Она слишком много лет работала в полиции и должна понимать, насколько это непродуктивно.

Керри прекрасно понимала, что выбор такого пути на самом деле не только неэффективен, но еще и опасен.

– Может, между ними с Уолшем что-то было. Личное.

– Сколько лет было Уолшу? На пять или шесть лет младше нее?

При первой встрече Керри решила, что Кросс старше. Тридцать с чем-то – конечно, немного, но по виду Кросс можно было сказать, что ей ближе к сорока. Сказались и работа Кросс, и выпивка, и курение. Нужно отдать этой женщине должное, она прошла сквозь ад. Ее украли и держали в заложницах почти год. Кросс вернулась сильно пострадавшей и физически, и эмоционально. Кто в таких обстоятельствах не выглядел бы старше своих лет?

– Знаешь поговорку? Возраст – просто цифры, – ответил Фалько.

– Да, но Уолш не показался мне ее типом мужчины.

– С этим должен согласиться.

Между ними воцарилось комфортное молчание. Иногда, в процессе расследования, Девлин и Фалько не произносили ни слова. Просто думали, и эти моменты тишины были музыкой, которую могли слышать только они двое. Не исключено, что их связь можно было рассматривать как обещающую вдохновение, подобно тому, как Керри полезла в кладовку, и у нее появилось вдохновение при виде того, что там есть.

Иногда Керри Девлин даже казалось: их отношения ухо-

дят за пределы работы и дружбы, но она держала подобную мысль на расстоянии. Всегда. Детективу не хотелось терять этого человека как профессионального напарника или друга.

– Вы уже ужинали? Я всего в паре кварталов от закуской, где готовят бутерброды, которые любит Тори. Могу привезти ужин. Попробовать немного ее развеселить.

На губах Керри впервые в этот день появилась настоящая улыбка.

– Это было бы здорово. Диана предлагала нам с ними поужинать, но Тори просто хотела домой. Может, она тебе больше расскажет.

Керри подумала, самое лучшее в этом, что ей самой не придется готовить. На самом деле Фалько, к радости Девлин, теперь стал членом семьи. Этот факт отрицать нельзя, даже если бы ей того захотелось.

Тори обожала Фалько. Судя по всему, чувство было взаимным. Керри могла доверить этому мужчине жизнь своего ребенка. Без вопросов. Что бы там ни мучило Фалько из той части его прошлого, о которой он не любил говорить, Фалько был хорошим человеком.

Прошлое не должно управлять настоящим.

У Керри Девлин самой сейчас вообще не очень хорошо получалось с настоящим, но на Фалько сильно давило его прошлое. Керри сомневалась, что он когда-нибудь поделится с ней всем из того периода.

– Как у тебя с напитками? – спросил Фалько, возвращая

мысли Девлин к текущему моменту.

Керри открыла холодильник и еще раз проверила, сколько у нее пива в запасе. Упаковка из шести банок и две банки колы.

– Хватит.

– В таком случае увидимся через полчаса.

– Спасибо, Фалько. Ты – настоящий друг.

– Ты еще не слышала, что я узнал у Сайкса. Подожди – похвалишь уже за все сразу.

Керри напряглась и оперлась о кухонный стол.

– Когда ты разговаривал с Сайксом?

– Он позвонил, чтобы побольше узнать о Тори. Спрашивал: у нее взрывной характер? Ладит ли девочка с другими? Все в таком роде.

Керри почувствовала, как внутри у нее зреет ярость.

– Ты шутишь?

– Он не хотел спрашивать тебя об этом. Боялся получить кулаком в живот.

И она бы ему точно врезала, черт побери.

– Неужели он на самом деле думает, что Тори имела какое-то отношение к случившемуся?

– Я не считаю, что Сайкс склоняется к этому. Он просто хотел спросить меня о том, о чем боялся спросить тебя.

Керри знала процедуру, только она ей совершенно не нравилась, раз имела отношение к дочери.

– И что ты ему сказал?

– Что Тори – самый милый и добрый ребенок, которого я знаю. Не принимает никаких наркотиков. Не пьет спиртные напитки. Вообще никаких проблем не создает. Сайкс даже сам сказал, что вопросы дурацкие, ты бы сама разобралась, если бы какие-то проблемы возникли. Впрочем, он должен был их задать.

– Спасибо, что сказал мне. Я постараюсь его не побить, когда увижу в следующий раз.

– Они с Петерсоном думают на Тэлли.

Керри просто не могла представить такой сценарий. Со-
всем.

– Готова держать пари, они ошиблись. Я знаю Сару с пяти лет. Она совсем не склонна к насилию. Эта девочка не злая, не подлая, не стремится принести кому-то боль каким угодно способом. А про другую девочку что он сказал? Про Элис Кортес?

«Она принцесса».

Керри не могла избавиться от этой мысли и отмахнуться от того, что ей рассказала Тори.

– Только что все, с кем они разговаривали, пели дифирамбы Кортес. И очевидно, что Майерс травила не ее.

У Керри все сжалось внутри. Она не могла принять идею, что Сара Тэлли муху может обидеть, не то что другого ребенка.

– Да, это правда, – признала Керри Девлин.

– Так, я заворачиваю в закусочную за бутербродами.

– Хорошо. Скоро увидимся.

Она нажала на отбой и положила телефон на кухонный стол. Может ли постоянная травля привести к тому, что по сути хороший ребенок пойдет так далеко?

Керри закрыла глаза. Конечно, так бывает. По сути возможно все.

Девлин могла только представить, что сейчас чувствует мать Сары. Керри дважды звонила ей и пыталась узнать, как там Сара, но каждый раз ей приходилось оставлять голосовое сообщение. Керри задумалась, стала бы она беспокоиться, если бы мать Сары не позвонила справиться, как там Тори. Не исключено.

Она решила, что тут нет ничего личного, а только инстинкт. Страх. Отрицание. Надежда. Злость. Все эмоции, которые испытывает любая мать, пытающаяся защитить ребенка.

А еще хуже было то, с чем столкнулась семья Майерс. Возможность потерять ребенка.

Что бы там ни произошло... пострадали все, как-то задействованные в этом деле.

22:30

**Дом Тейлор Восемнадцатая
авеню, Юг Бирмингем**

Сэди смотрела, как гаснут габаритные огни перед ней. Вторая машина притормозила в нескольких метрах от ее собственной. Сэди Кросс открыла дверцу и вышла, но при этом не зажегся свет в салоне. Если ведешь наружное наблюдение, то быстрее всего тебя может выдать свет в салоне. Кросс узнала об этом сразу же, как только первый напарник Сэди из полиции Бирмингема начал обучать ее азам слежки.

Целую жизнь назад.

Кросс отогнала воспоминания прочь, когда шла в темноте к другой машине, к дверце у переднего места пассажира выдавшего виды желтого «Фольксвагена-жука». Она открыла дверцу и забралась в салон. Свет в нем не зажегся, как и у нее.

– Тебе нужно найти не такую приметную машину, – объяснила Сэди коллеге. – Эта выделяется, как одинокая утка в

пруду, полном голодных аллигаторов.

– Не могу расстаться с ребенком.

Сэди пожала плечами.

– Проблему могли бы решить пара баллончиков с краской.

Мужчина хрюкнул и сменил тему.

– Что-нибудь интересное видела?

– Если только парочку деток – похитителей посылок, которые тут появлялись во второй половине дня после того, как принесли почту. Маленькие выродки.

Хек Китон осмотрел дом, за которым Сэди поручила ему следить каждую ночь, пока все не закончится.

– Она сегодня выходила? – спросил он.

– Нет.

Сама Сэди и еще один из ее сотрудников дежурили в дневную смену. Она хотела, чтобы за домом Тейлор наблюдение велось двадцать четыре часа в сутки. Пока Сэди Кросс не разберется, в чем дело, это самое меньшее, что она могла предпринять.

Сэди решила не упоминать о посетителях у дамы. Это не стало неожиданностью. Фалько и Девлин работают тщательно и дотошно.

– Надо надеяться, это ночное дежурство станет еще одним скучным заданием.

– Пусть будет скучно, – усмехнулся Хек. – Я готов. На

заднем сиденье большой запас «Ред Булла»⁷ и шоколадных батончиков. Если все это проглотить, то, может, я вообще больше никогда не буду спать.

Хек (это было его настоящее имя) Китон в прошлом служил в Военно-морском флоте. Он лишился ноги во время последнего похода на Ближний Восток, но никто не мог сказать, что у Хека нет ноги, если этого не знал. Протез работал прекрасно, словно это была его собственная кость и плоть. Хек Китон очень много тренировался, фанатично выполнял различные физические упражнения, поэтому имел мускулистое тело. Впрочем, его серьезно беспокоило ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство. Большую часть времени лекарства помогали Хеку Китону с ним справляться. А когда переставали помогать, он исчезал. Хек говорил, что спрятаться в его норе лучше имевшейся альтернативы. Он не знал, что может выкинуть, когда находится в таком состоянии, поэтому лучше в это время держаться подальше от людей. Он становился неуравновешенным, не мог держать себя в руках.

Сэди в Китоне никогда не сомневалась. Он работал на Поли шесть лет перед тем, как бизнес перешел к Сэди. Если Поли считал, что он хороший мужик, значит, так и есть.

– Звони, если что-то случится. – Сэди потянулась к ручке на дверце.

⁷ «Ред Булл» – газированный энергетический напиток одноименной австрийской компании.

– Мне очень жаль, что твой друг погиб.

Кросс колебалась, держа руку на дверце.

– Иногда жизнь подкидывает такие подлянки.

– Да.

Сэди выбралась из его машины и отправилась к собственной. Она еще раз бросила взгляд на дом, а потом тронулась с места. Женщина включила фары только после того, как отъехала на полквартила. Машин почти не было, когда она ехала домой. Дорога отняла меньше десяти минут. Сэди Кросс завернула в узкий переулок и остановила машину, заперла дверцы и направилась к пожарной лестнице. Никто не приближался к ее двери и пожарной лестнице после того, как Фалько в семь часов колотил в дверь Сэди. Он звонил полдюжину раз. Сэди с ним свяжется, когда будет подходящее время. Она знала, что он хочет. Их с Девлин появление у тети Эшера очевидно заставило Фалько и Кэрри снова обратить внимание на Сэди.

Она отперла многочисленные замки и вошла в лофт под гудение системы безопасности. Кросс ввела код, и система заткнулась. Сэди заперла дверь и бросила рюкзак на диван. Ей требовалось выпить. Для того чтобы хоть сколько-то поспать, Сэди Кросс нужно опередить своих демонов, то есть отключиться раньше, чем они придут.

Она схватила бутылку, которую начала вчера вечером, и отправилась к стене с многочисленными листочками с клейким краем и фотографиями. Все они относились к выпав-

шим из жизни Сэди десяти месяцам. Она поднесла бутылку с бурбоном ко рту, подняла руку повыше, наклонила бутылку и сделала большой глоток. Бурбон обжег Кросс горло, когда катился по нему в пустой желудок. Потом она вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Давай, – пробормотала женщина. – Ну, твори волшебство.

Она знала, что вскоре в голове начнет гудеть, и принялась изучающе осматривать лица на фотографиях, которые, как считала Сэди Кросс, имели какое-то отношение к случившемуся с ней. Ее взгляд остановился на *его* лице. Эдди. Эдуардо Осорио. Единственный сын самого опасного и могущественного главы картеля в Мексике. Эдди потерял жену всего за год до начала той тайной операции. Сэди никогда не была душой. Ее начальник выбрал именно Кросс совсем не потому, что она была лучшим детективом в группе. Нельзя было отрицать ее внешнее сходство с умершей женой объекта. А это могло привлечь внимание Эдуардо Осорио. И план сработал. Он захватил наживку, как голодная крыса.

В груди все сжалось, и Сэди снова подняла бутылку. Она закрыла глаза, поскольку ей хотелось, чтобы жжение поглотило память. Сознание все время возвращало Сэди Кросс к одному неизменному воспоминанию среди других обрывков и фрагментов.

Маска. Белая. С боков торчат рога и извиваются, поднимаясь над ней. Мягкий детский голос говорит ей, чтобы

ела... пила... слушала.

Ребенок в маске или кто это был, черт побери, много раз приходил к ней. Сэди поняла, что это или маленькая женщина, или ребенок. Правда, все вокруг этой посетительницы оставалось размытым, воспоминания разрозненными, окутанными тьмой. Время от времени появлялся какой-то звук или образ. Ощущения. Страх. Боль. Нужда. Паника. И иногда надежда.

И все это – только куски, которые Сэди Кросс не могла соединить вместе.

– К черту все!

Сэди отвернулась от мешанины, над которой теперь работала уже три года. В первый год после возвращения из тьмы она была развалиной физически и эмоционально и не могла ни на чем сосредоточиться. В последние три года единственное, что не давало ей признать поражение, – нежелание видеть удовлетворение отца. Он хотел, чтобы она сдалась. Не дождется!

Она никогда не сдастся. Никогда.

Сэди Кросс держала бутылку за горлышко кончиками пальцев и решила, что ей нужно принять горячий душ. Потом она допьет бутылку и, надо надеяться, сможет крепко поспать несколько часов. Она обещала себе, что больше не будет уходить в запой, но тут было совсем другое дело. Просто снотворное. Кросс редко пила до или во время работы. Она сократила количество выпивки, вообще сильно теперь

не пила, только примерно за час до отхода ко сну. Этим и ограничивалась.

«Это же начало, не правда ли?» Кросс пару раз сходила к «Анонимным алкоголикам». Требовалось сходить еще. Это она понимала. И она сходит. Точно.

Пока она дышит, у Сэди Кросс есть обязательства перед Поли. Он оставил ей свое дело и этот дом.

И Сэди нужна вся правда. Все эти пропавшие кусочки. Часть ее никак не хотела отказываться от мысли, что все эти фрагменты необходимы для чего-то, что она не понимала полностью.

После убийства Эшера эти кусочки стали еще важнее. Что-то или кто-то из ее утерянного прошлого имело отношение к его смерти. Сэди Кросс должна была найти это или такого человека. Может, все, что она хотела, – месть, и эта потребность являлась причиной ее желания со всем разобраться. Месть – очень сильный побудительный мотив.

Послышался звонок, сигнализирующий, что кто-то поднимается по пожарной лестнице. Сэди замерла на месте. Удар кулака в дверь подтвердил, что это не кошка и не другое четвероногое существо.

Бах, бах, бах.

– Кросс, я знаю, ты здесь.

«Фалько». Сэди скрипнула зубами. Сегодня вечером она не станет отвечать на вопросы.

Она собралась сдвинуться с места, и тут стук начался сно-

ва.

– Мы знаем, что ты гораздо теснее сотрудничала с Уолшем, чем дала нам понять, – заметил Фалько приглушенным голосом, но его обвинение все равно проникло сквозь дверь.

Сэди развернулась и пошла на звук.

– Я понимаю, как тебе было трудно ему довериться, – Фалько говорил теперь мягче.

Сэди прижалась лбом к холодной деревянной поверхности и прикрыла глаза. Нет, ему не понять.

– Мне просто нужно разобраться, чем он занимался. Только так мы сможем найти убийцу. Ты это прекрасно знаешь, Кросс. Сначала ты должна нам помочь. Рассчитывай на Девлин и меня. Ты это знаешь.

Сэди развернулась и теперь прижалась спиной к двери. Она подняла бутылку и сделала еще один большой глоток. В животе началось жжение. Кросс соскользнула на пол и рухнула на него бесформенной кучей.

– Уходи, Фалько. Мне не нужна твоя помощь. Ни твоя, ни Девлин.

– Мы знаем про Наоми Тейлор. Мы нашли рабочие заметки Уолша у нее дома. Теперь нужно понять, что означают все эти разрозненные куски, Кросс.

«Присоединяйся к коллективу, черт побери».

– Я позвоню тебе завтра, – соврала она. Что угодно, только бы Фалько убрался. Сэди Кросс нужно было успокоиться. Ей требовалась темнота. Тишина.

– В какое время завтра?

Сэди заскрипела зубами.

– Просто уйди, Фалько, пока я не передумала.

Он тоже знал, что Кросс может передумать. Лишь немногие люди понимали ее, и некоторые из них были уже мертвы. Фалько являлся одним из них. Он даже знал несколько тайн Сэди.

Но не все.

Черт побери, даже она сама не знала все.

– Завтра, Кросс. Мне нужно поговорить с тобой завтра.

– Да. Да.

Сэди Кросс слушала звук его удаляющихся шагов вниз по лестнице. Система снова сработала и подтвердила, что он ушел.

Хорошо. Она снова подняла бутылку и сосредоточилась на дальнейшем поиске своего пути.

8

Первый сеанс

Три года назад

– Меня зовут доктор Оливер Холден. Со мной находится моя пациентка Сэди Кросс, возраст – тридцать один год. Я работаю с ней методом регрессионной терапии. Сейчас проходит первый сеанс.

На записи слышно, как шуршит бумага.

– Сэди, вы готовы начать?

– Наверное.

– Я хочу, чтобы вы закрыли глаза и расслабились. Позвольте всем мышцам расслабиться. Начните с шеи и плеч. Пусть они станут мягкими, и тогда из них уйдет напряжение. Дышите медленнее. Медленно и глубоко. Теперь руки. Пусть лежат вдоль тела. Никакого напряжения. Никаких ожиданий. Просто лежите. Дышите глубоко. Медленно. Вдох... выдох. Расслабьте ноги. Они мягкие. Не напряжены. А теперь я хочу, чтобы вы в уме начали считать в обратном порядке с трехсот. Медленно, в обратном порядке, медлен-

но, медленно. Цифры ускользают. Мысли и чувства, которые удерживают вас в этом времени и в этом месте, ускользают вместе с цифрами. Уходят, уходят, уходят.

На записи слышится медленное глубокое дыхание.

– Полтора года назад. Осень. Седьмое сентября. Вы помните седьмое сентября, Сэди?

– Да.

– Расскажите мне про тот день.

– Я участвовала в операции по внедрению в преступную группу, в наркокартель Осорио. – С каждым словом ее голос становится громче.

– Дышите глубоко, Сэди. Я рядом с вами. Расскажите мне, где мы находимся.

– В той дыре, где я жила, чтобы соответствовать легенде. Грязный маленький домик в Друид-Хиллс. – Тишину нарушает звук резко вдыхаемого воздуха. – Он здесь. Вернулся. Как и говорил.

– Кто *он*, Сэди?

– Эдди. Эдуардо Осорио. Моя цель.

– Ваша цель. – Пауза. – Что имеете в виду под *целью*?

– Сын Карлоса Осорио, главы крупнейшего наркокартеля в Мексике, славящегося безжалостностью. Они глубоко запустили лапы в США. От Атланты до Хьюстона. От Нью-Йорка до Чикаго. Во все места между этими городами, – поясняет Сэди. – Атланта была их базой на юго-востоке. Оттуда много лет велось руководство всеми операциями. Когда на-

чалась наша операция, они по неизвестной причине перемещали базу сюда, в Бирмингем. Эдуардо вел все дела, требовавшие личного присутствия. Отец никогда не выезжал из их поместья в Мексике. Карлос слишком боялся, что его убьют или арестуют правоохранительные органы. До сих пор боится, если жив.

– Вы раньше встречались с Эдуардо?

– Да. Каждый раз, приезжая в Бирмингем, он останавливался у моего фудтрака. Это и была моя легенда – я торговала в передвижном кафе. Я ставила грузовик рядом с его гостиницей. Эдуардо всегда останавливался в одном и том же месте. Станный ритуал, который мог бы привести к его смерти, но, похоже, Осорио-младшего это не беспокоило. Он производил впечатление бесстрашного человека. Яростного. Сильного и властного.

– Вы говорите так, будто восхищались им. – В голосе Холдена слышится удивление.

– Мне требовалось его понять. Понять его *modus operandi*. Как он двигается, реагирует. Это входило в мою задачу.

– Хорошо. Объясните мне, как вам приказали приблизиться к этой цели.

– Мне дали задание найти способ стать для него близким человеком. Убедить его мне доверять. Ставилась задача получить приглашение к нему домой для знакомства с папой. Никому никогда не удавалось попасть в это поместье, а потом прожить достаточно долго, чтобы о нем рассказать. Я

хотела туда попасть, несмотря на высочайший риск.

– Почему Эдуардо вернулся в Бирмингем в тот день?

– Это была пятница. Предполагалось, я поеду с ним домой на выходные. Он обещал приехать за мной, но я не была в этом уверена. Все происходило гораздо быстрее, чем ожидал кто-то из нас.

– Кого *нас*, Сэди?

– Из спецгруппы. Мы ожидали, что инфильтрация займет гораздо больше времени.

– Каким образом в спецгруппе объяснили этот неожиданный успех?

Молчание.

– Сэди?

– Он... Эдуардо увлекся мной гораздо быстрее, чем мы ожидали. Я напоминала ему его покойную жену. Именно поэтому мой начальник и боролся, чтобы меня включили в спецгруппу. Я была идеальной приманкой.

– Понятно. Вы отправились домой к Эдуардо? В это поместье в Мексике?

– Да.

– Как вы туда попали?

– Его самолет стоял на летном поле. Все просто. То есть хочу сказать, что я внедрилась, но очень многое могло пойти не так. Если бы меня поймали... Я не могла этого допустить.

Дыхание Сэди Кросс заметно ускоряется.

– Дышите медленнее, Сэди. Расслабьтесь. Вы в безопас-

ности. Вы счастливы. Расскажите мне, что произошло после того, как вы приземлились в Мексике.

– Мы поехали в поместье. Его отец совсем не обрадовался из-за того, что Эдди – Эдуардо – привез меня туда. У Карлоса возникли подозрения, но я этого ожидала. Я была готова к его подозрениям. Я пошла прямо к отцу Эдуардо и обняла его. Сказала ему, что рада с ним познакомиться. Мое поведение удивило Карлоса. Он не знал, что обо мне думать.

– Как выглядело поместье?

– Очень большое, но это мы и так знали. Просто великолепное. Бесчисленные акры земли. Везде вооруженная охрана. По периметру окружавшей его стены – дюжина различных мини-ловушек. Там народ не в игры играл.

– С кем вы там еще познакомились, Сэди?

– С дочерью Эдди, Изабеллой. Ей было лет восемь или девять. Это оказалось новостью. Никто у нас не знал, что у него есть ребенок. Была информация про умершую жену, но никаких сведений о детях. Потом Эдди сказал мне, что держит существование ребенка в тайне. Дочь могли выкрасть и использовать против него. Я удивилась, что Эдуардо удалось так хорошо хранить эту тайну. Я решила, что девочка была на домашнем обучении. Вероятно, ей никогда не позволялось покидать территорию поместья.

– Вы понравились его маленькой девочке или она робела?

– Я ей понравилась. В первый день она взяла меня за руку и повела в столовую, а там за ужином усадила рядом с собой.

Я не очень хорошо лажу с детьми, но она, похоже, этого не замечала.

– Как вы себя чувствуете, Сэди? Похоже, вы не очень нервничали, находясь в поместье.

– Мы выпили шампанского во время полета. Эдди хотел отпраздновать. Я чувствовала себя замечательно.

– Что он праздновал?

– Не знаю точно. Может, какую-нибудь большую сделку.

– Во время ужина вы познакомились с кем-то еще? С кем-то важным, имеющим отношение к вашему заданию?

– Присутствовали только Карлос, маленькая девочка, Эдди и я. Конечно, если не считать прислугу. Постоянно бегали какие-то люди, подавали еду. Следили, чтобы бокалы были наполнены. – Сэди делает паузу, словно рассматривает какое-то конкретное воспоминание. – Мне было немного не по себе, ведь ребенок постоянно внимательно за мной наблюдал. Наверное, ей было любопытно.

– Что произошло после ужина, Сэди?

– Мы пропустили по стаканчику с отцом Эдди. Потом Эдди отвел меня в свою комнату, и я там ждала его, пока он укладывал Изабеллу спать.

Слышится скрип кожи. За что-то задевает ткань.

– Вы приходите в возбуждение, Сэди. Вы нервничали от того, что находились в его комнате? Не забываете: вы только просматриваете воспоминания. Физически вы там не находитесь. Вы со мной в кабинете.

– Нет, я не нервничала. Я же и раньше с ним спала.

– Тогда почему вам становится не по себе при этих воспоминаниях?

Долгая пауза. Звук все более частого дыхания.

– Сэди, дышите медленно и глубоко. – Холден начинает говорить мягче. – У вас нет поводов для беспокойства. Это только воспоминание.

– Мне следовало уехать. До...

– Расслабьтесь. Расслабьте мышцы. Вы в безопасности. Я все еще здесь, Сэди.

Пауза. Дыхание более медленное, более глубокое.

– А теперь скажите мне, почему вы испугались?

– Потому что я знала, что Эдди собирается сделать.

– Что он собирался делать, Сэди?

– Он вернулся в комнату и просто стоял, наблюдал.

– Почему вас это беспокоило, Сэди? Какие мысли вас посещали?

– Мне следовало его тогда убить.

Пауза.

– Но вы же добились цели, не правда ли? Вы оказались в поместье. Вы встретились с Карлосом Осорио. Зачем вам было раскрываться?

– Потому что... тогда все и началось.

– Что и где началось, Сэди?

– Я... начала становиться невидимой.

Вторник, 13 апреля 8:00

**Управление полиции Бирмингема
Первая авеню, Север**

– Согласен с тобой, Девлин.

Керри внимательно посмотрела на напарника. Им следовало бы работать по делу, расследование которого им поручили, а вместо этого Керри Девлин хотела послушать, что он думает о Тори. Вчера за ужином они с Тори разговаривали о случившемся в школе. После этого Фалько провел очень много времени в попытках успокоить девочку. Несомненно, у него сложилось какое-то мнение, но он его не высказывал.

– Фалько, мы с тобой работаем вместе почти год. Не пытайся ввести меня в заблуждение. Мы говорим о моей дочери.

Фалько сидел, положив ноги на стол и сплетя руки за головой. Секунду или две он удерживал ее взгляд, а потом признался:

– Она что-то недоговаривает. Ты права. Ты это хотела

услышать?

– Нам нужно выяснить, что скрывает Тори.

У Керри возникло ощущение, будто он сражается с ней из-за этого. Ну, может, тут никакая не борьба, но Фалько определенно вел себя очень сдержанно, что было на него совсем не похоже.

Фалько опустил ноги на пол и склонился вперед.

– Я не могу сказать, имеет ли это отношение к случившемуся – к падению Майерс. Ты же знаешь, какими дети бывают в этом возрасте. Они многих ненавидят. Они еще и стесняются мыслей. Может, твоя дочь желала, чтобы Майерс каким-то образом пострадала. Девчонка издевалась над подружкой Тори, а Тори страдала.

Он поднял руки ладонями к ней, словно сдаваясь.

И тогда Керри приняла решение.

– Я скоро вернусь.

– Дев... лин, – предупредительно произнес он, растягивая слоги, когда она уже развернулась.

Керри проигнорировала Фалько.

Сайкс и Петерсон работали в том же общем рабочем пространстве, в своем отсеке, где склонились над доской с собранными материалами по делу. Керри откашлялась, и эти двое отпрыгнули друг от друга с видом, словно обсуждали последний номер порножурнала.

Впрочем, как только их взгляды уперлись в Керри Девлин, они сделали по шагу в направлении друг друга, словно

отрабатывали это движение. Сайкс и Петерсон действовали синхронно. В результате они уперлись плечами друг в друга, чтобы закрыть ей вид на материалы по делу.

– Есть новости о Майерс?

Сегодня утром Керри сама звонила в больницу и знала, состояние девочки никак не изменилось. В больнице работала давняя подруга Керри, вместе с которой она училась в колледже. Она была рада поделиться новостями. Ей не требовалось знать, что Керри не участвует в расследовании. Эта тема вообще ни разу не всплыла. Собеседница просто предположила то, на что Керри надеялась.

Сайкс скорчил гримасу.

– Ты знаешь, мы не имеем права обсуждать с тобой это дело, Девлин.

Петерсон скрестил руки на груди.

– Если только у тебя есть новости, которыми хочешь с нами поделиться.

В Керри Девлин вскипела злость.

– Давайте надеяться, что мне никогда не поручат дело, которое будет касаться кого-то из вас двоих, поскольку мне будет сложно забыть происходящее сейчас.

Детская тактика, но Керри была в отчаянии. Речь шла о жизни ее дочери. Она едва ли могла вынести ужас, который видела на лице Тори, когда сегодня утром отвозила дочь в школу. Она даже надеялась, что Тори сломается и выдаст недоговоренное, но Тори ничего больше не сказала.

Если дочери нечего скрывать, то не было причин избегать школы.

Тем не менее Керри мучило огромное чувство вины за то, что она отправила Тори в школу, ведь ей придется выдержать игру, которую дети устроят сегодня. А дети могут быть очень жестокими.

Трудно быть подростком. Прошло уже два десятка лет с тех пор, когда сама Керри переживала эти годы, наполненные страхами, тревогами, беспокойством, однако сейчас она чувствовала себя точно так же.

Сайкс с Петерсоном переглянулись, потом расступились и позволили Девлин взглянуть на доску с приклеенными и приколотыми материалами по делу.

– Как видишь, у нас не больше информации, чем было вчера, – проворчал Петерсон.

Керри подошла поближе и прочитала нацарапанные заметки, которые виднелись за правым плечом Петерсона. Это была информация об Элис, новой девочке в школе.

– Что вы узнали про Кортес?

– Немного. – Сайкс проследил за взглядом Керри, направленным на фото девочки. – Она была на домашнем обучении, пока жила с родителями в Синалоа. Она переехала в Бирмингем прошлой осенью и пошла учиться в Уолкеровскую академию. В Брайтонскую перевелась в январе. Учителя ее любят. Говорят, что она блестящая ученица и прекрасно себя ведет.

По словам Тори, у девчонки не получалось заводить друзей. Керри нахмурилась.

– А зачем переходить из Уолкеровской академии в Брайтонскую? – Уолкеровская академия также считалась очень хорошим учебным заведением. Только в Брайтонской делался упор на гуманитарные науки, а в Уолкеровской на естественные. – Ей не подошла академическая философия?

Петерсон пожал плечами.

– Мы ничего не знаем про философию, как академическую, так и какую-то другую. Некоторые родители отправляют детей в государственные школы. – Он стрельнул глазами в Керри. Она закатила глаза, а Петерсон продолжал говорить: – По словам директора школы, Элис Кортес заявила, что в той школе у нее возникли большие проблемы. Ей не понравилась атмосфера. Кортес боялась за безопасность.

Проблемы в предыдущей школе и теперь вот это? Интересно.

– Она была вовлечена в какой-то инцидент?

– Нет, – ничего не выражающим тоном ответил Петерсон.

– Пока она там училась, произошла пара инцидентов, – признался Сайкс и уголком глаза посмотрел на напарника.

Керри вопросительно приподняла брови. У этих двоих явно расходились взгляды по поводу информации, которой стоит или не стоит делиться. Странно. Обычно Петерсон и Сайкс вели себя как пожилые супруги, женатые много лет, – все вместе до гробовой доски.

– Какие?

– Две ученицы попытались сами себя исключить как раз перед Рождеством. – Произнося слова «сами себя исключить», Сайкс нарисовал в воздухе кавычки. – Опекуны решили, что Элис права: атмосфера там не очень хорошая.

Очевидно, что попытки самоубийства оказались безуспешными, иначе об этих ужасающих событиях обязательно говорили бы во всех программах новостей.

– А Элис была знакома с этими ученицами?

– Уолкеровская академия значительно меньше Брайтонской, – проворчал Петерсон. – Как она могла их не знать? Элис Кортес утверждает, что тесно с ними не общалась и даже, можно считать, не знала их.

– Вы допросили этих двух учениц из Уолкеровской академии?

– Не можем пробиться сквозь их родителей. – Сайкс покачал головой. – Ты же знаешь богатых людей. Они не хотят раскрывать секреты. Не хотят, чтобы подобное попало в личное дело ребенка и тянулось за ним хвостом. С таким пятном деточки могут не попасть в Лигу плюща⁸.

В некоторой степени это можно сказать про любого родителя. И Сайксу следовало такое знать. У него трое детей. Никто не хочет, чтобы какой-то позор тянулся за их ребенком

⁸ Лига плюща – ассоциация восьми частных американских университетов, отличающихся высоким качеством образования. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах.

до конца жизни. По крайней мере, пока существуют несправедливые социальные стигмы.

– В таком случае вы не можете быть уверены, что Кортес не знала тех учениц и не сыграла никакой роли в их решении самим себя исключить, если использовать твоё выражение, – заметила Керри.

Нужно бросить другого ребенка «под каток», чтобы не вовлечь Тори в этот кошмар? Сама мысль вызывала судороги у Керри.

Она уже стала таким родителем?

Смогла бы она сделать то же самое с Сарой Тэлли? Ребенком, которого знала почти десять лет? Подругой Тори?

Все в этом деле было непросто и совершенно точно не безболезненно.

– Тори сказала что-нибудь, указывающее, что Кортес именно такой ребенок?

Этот вопрос задала бы сама Керри, если бы они с Сайксом поменялись местами.

– Нет. – Керри решила не повторять сообщение дочери о доме Кортесов, а именно о том, что при его посещении мурашки бегут по коже. – Показания Тори не изменились.

Петерсон задумчиво смотрел на Керри.

– Вы близкие подруги с матерью Тэлли?

Она секунду обдумывала вопрос.

– Мы с ней не лучшие подруги. Вряд ли мы близки в этом смысле. Мы давно знакомы, с тех пор, как девочки вме-

сте пошли в детский сад. Наши дети неоднократно ночевали друг у друга дома. Мы провели массу времени вместе на футбольном поле, когда девочки играли в футбол. Мы вместе участвовали в благотворительных акциях по сбору средств, проводившихся в школе. – Керри Девлин пожала плечами. – Наверное, про нас можно сказать, что мы – подружившиеся мамы. Почему ты спрашиваешь?

– Никакой конкретной причины, – соврал Петерсон. – Просто нужно поставить еще одну галочку. Ты сама знаешь, как обычно ведется расследование.

Если нужно просто поставить еще одну галочку, то зачем врать? А было очевидно, что он врал, поскольку Петерсон слегка дернулся и отвел взгляд. Керри не знала, какую цель он преследовал. Пытался вызвать у Девлин какую-то реакцию? Или, может, Рене Тэлли сказала что-то плохое про Тори? Но это нелепица! Что она могла такого нехорошего сказать про Тори?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.